

П. МАККИЛИП

Мастер Загадок

Мастер Загадок

+

Наследники

Моря и Огня

+

Арфист на ветру

✦ НАСЛЕДНИКИ ТОЛКИНА ✦

Патриция МакКиллип

Мастер Загадок

Серия «Мастер Загадок», книга 1

OCR Vagrant, Spellcheck: Vagrant, Дмитрий Миронов
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144254
Оригинал: PatriciaMcKillip, "The Riddle-Master of Hed"
Перевод:
Галина Сергеевна Усова

Аннотация

...Давным-давно из этого мира ушли волшебники, но их мудрость осталась жить, скрытая в загадках, передаваемых из поколения в поколение. Одним из величайших мастеров раскрывать смысл этих загадок стал Моргон, владелец крошечного княжества Хед. Но древние силы Зла берегут свои тайны. Они хотят остановить Моргана, и смерть, меняя обличья и маски, следует за ним по пятам. И тогда князь Хеда отправляется в дальний путь к берегам враждебных королевств. Только там, у загадочного обитателя горы Эрленстар, он сможет узнать разгадку главной тайны – трех звезд, осеняющих чело Моргана с момента его рождения.

Содержание

1	4
2	34
3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Патриция МакКиллип

Мастер Загадок

1

Моргон с острова Хед познакомился с арфистом Высшего осенним днем, когда торговые корабли стали на якорь в Толе для обычного в это время года обмена товарами. Мальчик-подпасок увидел, как крутобокие корабли пробираются между крошечными рыбацкими лодками, как вздымаются над волнами красные, синие и зеленые полосы парусов, и сразу помчался вверх по берегу от Тола к Акрену, дому Моргона, князя Хеда.

Добравшись до дома Моргона, он без промедления выложил свою новость, присел за длинный, почти пустой уже стол и принялся уплетать то, что еще осталось от завтрака.

Князь Хеда в это время медленно приходил в себя – накануне вечером он нагрузил две телеги бочками с пивом, что предназначалось для продажи. Он окинул столы покрасневшими глазами и громко позвал сестру.

– Слушай, Моргон, – произнес Харл Стоун, один из земледельцев, повернув к Моргону голову, увенчанную огромной седой копной волос. – Слушай, а как насчет белого быка из Ана – ты как-то говорил, что он тебе нужен, а? С вином,

к примеру, можно подождать...

– А как насчет зерна? – быстро перебил его Моргон. – Оно ведь все еще в амбаре Уиндона Эймори в восточном Хеде? Кто-то все-таки должен доставить его в Тол для продажи. Так почему до сих пор сюда ничего не привезли?

– Ну мы же пиво грузили, – с притворным простодушием напомнил Моргону его брат Элиард.

– Сам знаю. А где Тристан? Тристан!

– Чего тебе? – Тристан Хедская стояла у него за спиной, сжимая в кулачках кончики недоплетенных темных кос.

– Вино берите сейчас, а быка на следующую весну, – быстро нашелся Кеннон Мастер, который вырос вместе с Моргоном. – У нас осталось мало херунского вина, на зиму не хватит.

Элиард, в упор глядя на Тристан, объявил:

– Хотел бы я вот так все утро сидеть себе да косы заплетать. – Он сощурился, продолжая смотреть на Тристан. – Да еще и морду сливками мыть.

Та не смутилась:

– Я, по крайней мере, умываюсь. А от тебя, дружок, разит пивом. Как, впрочем, от всех вас. И что это еще за грязь по всему полу, а? Кто это тут натоптал? Я убирать не успеваю...

Все находящиеся в комнате с удивлением уставились на Тристан. Потом посмотрели на пол и снова на девушку.

Еще год назад Тристан была тоненькой, словно тростиночка, смуглой, нежной девочкой-подростком. Она любила бро-

дить по полям босиком, насвистывая сквозь зубы. Теперь же она повзрослела и массу времени проводила перед зеркалами, внимательно рассматривала свое лицо и сердито хмурилась. Сейчас она перевела недовольный взгляд с Элиарда на Моргона:

– Что это ты так вопил, когда меня звал? Я хорошо слышу.

– Извини. Я вовсе не собирался вопить. Я просто хочу, чтобы ты вытерла со столов, застелила их скатертями, снова их накрыла, наполнила кувшины молоком и вином, нарезала мясо, сыр, хлеб и какие там овощи у нас есть, разложила все по тарелкам, заплела волосы, надела башмаки и подмела пол. Только и всего. Скоро торговцы придут.

– Ох, Моргон, – простионала Тристан.

Моргон повернулся к Элиарду:

– А ты поедешь в восточный Хед и скажешь Уиндону, чтобы он доставил в Тол зерно.

– Моргон! – Элиард поднял брови. – Но это же целый день езды!

– Знаю. Вот и отправляйся.

Они стояли неподвижно, но лица у обоих медленно краснели, глаза наливались кровью, пальцы сжимались в кулаки. Земледельцы Моргона смотрели на эту сцену с беззастенчивым изумлением. Очень уж не походили друг на друга эти трое детей Атола с Хеда и Спринг Окленд. Тристан своими непокорными темными волосами и треугольным личиком напоминала мать; Элиард, бывший на два года моложе

Моргона, богатырским размахом плеч, широкими костями и не поддающимися никакому гребню светлыми волосами выглядел почти копией Атола. В глазах же Моргона, в его волосах цвета светлого пива просматривалось сходство с бабушкой, которую старики еще помнили как стройную, гордую жительницу южного Хеда. Дочь Лате Уолда, она умела смотреть на людей так же, как Моргон сейчас смотрел на Элиарда – отчужденно, точно лиса, которая разглядывает цыплят, готовясь их проглотить.

Элиард надул щеки, точно кузнечные мехи, и вздохнул:

– Была бы у меня анская лошадь, я бы смог обернуться туда и обратно еще до ужина.

– Я поеду, – предложил Кеннон Мастер. На его лице проступила легкая краска.

– Поеду я, – возразил Элиард.

– Понимаешь, я просто хотел... Я давно не виделся с Эйрин Эймори. Я поеду. – Кеннон Мастер вопросительно посмотрел на Моргона.

– А мне все равно, – сказал Моргон. – Только не забывай, зачем едешь. Тогда ты, Элиард, сможешь мне с погрузкой в Толе. Грим, ты пойдешь со мной к торговцам, а то в прошлый раз я чуть не обменял трех рабочих лошадей на арфу без струн.

– Если ты получишь эту арфу, – сказал Элиард, – то я хочу анскую лошадь.

– А мне нужны херунские ткани, – вскинулась Тристан. –

Моргон, мне они просто необходимы. – Она сделала шаг к брату и посмотрела в потолок, что-то прикидывая. – Оранжевого цвета, – наконец решила Тристан. – Да, еще нужны тонкие иголки и пара исигских башмаков. Еще, – она снова на мгновение задумалась, – еще пара серебряных пуговиц, еще...

– Ты что, – грозно перебил ее Моргон, – разве не знаешь, что растет у нас на полях?

– Знаю я, знаю, – досадливо отмахнулась Тристан, – что растет у нас на полях. И еще я знаю, что вот уже полгода валяется под твоей кроватью.

Моргон замер.

– Что ты смотришь на меня? – подбоченилась Тристан. Мне кажется, ты должен либо ее носить, либо продать. А то на ней такой слой пыли вырос, что невозможно даже определить цвет камней...

В зале повисло молчание. Тристан стояла, гордо сложив руки на груди и наслаждаясь произведенным впечатлением. Она вызывающе подняла подбородок, однако в лицо Моргону смотрела несколько неуверенно.

Элиард застыл с открытым ртом.

– Что еще за камни? – тихо спросил он, обращаясь одновременно к Моргону и Тристан.

– Это корона, – почувствовав поддержку, сказала Тристан, – Я такую видела на картинке в книге у Моргона. Их, короны, короли носят.

– Да знаю я, что такое корона, – отмахнулся Элиард и гневно посмотрел на брата: – И что же, братец, ты за нее отдал? Половину Хеда?

– Вот уж никогда не думал, что тебе нужна корона, – удивился Кеннон Мастер. – У твоего отца короны сроду не было, У деда твоего тоже. Да и у твоего...

– Кеннон! – перебил его Моргон. Он поднял руки, прикрыл ладонями глаза. Щеки его покраснели. – У Керна была корона.

– У кого?

– У Керна с Хеда. Он, должно быть, приходился нам прапрапрапрапрапра-прадедусшкой. Нет. Одно «пра» я пропустил. Его корона была сделана из серебра, а в серебре – зеленый драгоценный камень в форме капустного кочана. Однажды он ее продал за двадцать бочонков херунского вина, то есть это равно...

– Отвечай прямо, – рявкнул Элиард. – Где ты ее взял? Ты что, обменял ее на что-то? Или ты...

Он умолк. Моргон опустил руки и взглянул Элиарду прямо в глаза:

– Я – что?

– Ничего. Прекрати так пялиться на меня. Ты опять пытаешься увильнуть от прямого ответа. Ты ее купил, украл, или, может, ты кого-то из-за нее убил?..

– Да ладно вам, – примиряюще сказал Грим Окленд, служивший у Моргона управляющим.

– Или ты просто нашел ее в амбаре для зерна, – продолжал распаляться Элиард, – в амбаре, где она валялась, точнодохлая крыса? Так как же?

– Никого я не убивал! – заорал Моргон. Доносившийся из кухни стук горшков внезапно прекратился. Моргон понизил голос и раздраженно продолжал: – В чем это ты меня обвиняешь?

– Вовсе я не...

– Я добыл эту корону честно, и не менялся я ни на что, что бы мне не принадлежало, не крал я ее...

– Да я и не думал...

– Она моя по праву, – успокаиваясь, сказал Моргон. – А по какому праву – до этого мы еще не дошли. Ты загадал загадку и предложил четыре варианта ответа; но все они оказались неправильными. Если бы я так путался в ответах на загадки, я бы сейчас с тобой не разговаривал. В общем, так. Я намерен пойти в Тол к приехавшим торговцам. Если ты все-таки собираешься сегодня немного поработать, можешь ко мне присоединиться.

Моргон отвернулся и двинулся на улицу. Но дойти он успел только до переднего крыльца: побагровев, Элиард ринулся за ним с быстротой, никак не вязавшейся с его внешностью, обхватил Моргона руками и спихнул с крыльца прямо в грязь.

Гуси и куры, бродившие по двору, негодуяще гогоча и кудахтая, бросились во все стороны. Земледельцы, мальчишка

из Тола, стряпуха – все наблюдавшие за происходящим захихикали. Девушка, мывшая горшки, фыркнула и захлопнула дверь.

Моргон лежал неподвижно, пытаясь прийти в себя после падения. Элиард, возвышаясь над поверженным братом, произнес сквозь зубы:

– Ты что, на простой вопрос ответить не можешь? Или ты решил со мной вовсе не разговаривать? Моргон, скажи, что ты сделал ради нее? Где ты ее взял? Клянусь, я...

Моргон медленно поднял голову:

– В башне.

Внезапно он вскочил на ноги, круто развернулся и с силой толкнул Элиарда, потерявшего от неожиданности равновесие, в один из розовых кустов Тристан.

Борьба двух братьев была коротким, но захватывающим зрелищем. Земледельцы Моргона, жившие себе тихо-мирно до прошлой весны, пока ими правил благоразумный и рассудительный Атол, были потрясены, однако многие из них ухмылялись, уставившись на облепленного грязью князя Хеда, который пытался дать сдачи родному брату. Элиард с трудом выдрался из розового куста и ответил своему противнику мощным ударом кулака. Когда кулак достиг цели, в общем молчании, повисшем над двором, прозвучал звук, похожий на тот, что издает топор, врезаясь в сухое дерево. Моргон вновь рухнул на землю, словно сброшенный с телеги мешок зерна, Элиард опустился на колени рядом с распростертым

в грязи телом брата, ужасаясь тому, что только что сделал, и тихо произнес:

– Прости. Прости меня... Моргон... Тебе очень больно?

Тут Тристан подскочила к братьям и, вне себя от ярости, опрокинула на них ведро молока.

Кеннон Мастер уселся на ступеньку крыльца, закрыл лицо руками и неожиданно для всех разразился рыданиями. Элиард посмотрел на свою перепачканную, разорванную рубаху.

– Ну вот, гляди, что ты наделал, – сказал он для того, чтобы хоть что-нибудь сказать. – Моргон? Гляди...

– Ты мой розовый куст помял, – кипя от ярости, прошипела Тристан. – И полюбуйся, что ты с Моргоном сотворил – да еще при всех.

Она уселась рядом с Моргоном на мокрую землю. Лицо ее выражало заботу. Она вытерла лицо лежащего брата своим фартуком, провела по его щекам тонкими пальцами, Моргон открыл глаза, испуганно мигнул. С его ресниц капало молоко.

Элиард встал, помялся и опустил на корточки.

– Моргон, мне очень, очень жаль. Но не надейся отвертеться от ответа на мой вопрос.

Моргон осторожно пошевелил рукой, потом дотронулся до своих губ.

– Что ты говоришь? – хрипло спросил он. – Какой вопрос?

– Не важно, – успокоила его Тристан. – Едва ли из-за этого стоит скандалить.

– Что это? – спросил Моргон, поднося руку к мокрому лицу.

– Молоко.

– Прости, – еще раз повторил Элиард и положил руку на плечо брата.

Моргон покачал головой:

– Оставьте меня. Дайте просто полежать немного. Зачем ты меня так ударил? Сначала ты обвиняешь меня чуть ли не в убийстве, потом бьешь и обливаешь молоком. – Моргон провел языком по губам. – Оно кислое. Кислое молоко. Ты всего меня облил кислым молоком...

– Это я, – быстро сказала Тристан. – Это я облила. Это для свиней молоко было... А ты зашвырнул Элиарда прямо в мой розовый куст. – Она снова тронула губы Моргона кончиком фартука. – Как тебе только не стыдно...

– Да что же я такого сделал? – непонимающе спросил Моргон.

Элиард тяжело вздохнул:

– Ты заставил меня выйти из себя, когда говорил со мной неподобающим образом. Ты увиливал, как мог, но я понял одну вещь. Прошлой весной ты получил корону неизвестно откуда. Ты сказал, что, если бы ты разгадывал загадки так же скверно, как я, тебя бы сейчас здесь не было. Почему? Я хочу знать – почему?

Моргон сел, уткнувшись подбородком в колени, и продолжал молчать. Наконец он посмотрел на сестру:

– Тристан, ну почему из всех других дней ты выбрала именно сегодняшний для того, чтобы поговорить. – Моргон потрогал рукой лоб. – Поговорить, – повторил он, мрачно усмехнувшись, – на эту тему?

– Валяй, ругай меня, – беззлобно ответила Тристан. – Я тут всюду бегаю с заплатками на локтях, а ты держишь под кроватью жемчуга и самоцветы. Очень мило!

– Если бы ты попросила Нарли Стоун сшить тебе новое платье, то и не было бы у тебя заплаток. Ты растешь, Тристан, в этом все дело.

– Речь вовсе не обо мне!

– Прекрати орать, – спокойно ответил Моргон. Он посмотрел через плечо Элиарда на группу замерших зрителей и вздохнул. Провел ладонями по лицу, по волосам. – Я получил эту корону в игре в отгадывание загадок. Я играл в эту игру с призраком. В Ане.

– Ну и ну! – воскликнул Элиард. – С кем ты играл?

– С призраком Певена Аумского. Корона, которая лежит у меня под кроватью, принадлежала королям Аума. Шестьсот лет назад их завоевал Эн из Ана. Певену пятьсот лет. Он живет в своей башне в плену у Эна и королев Ана.

– А как он выглядит? – тихим голосом спросила Тристан. Моргон пожал плечами и ответил, не поднимая глаз:

– Старик. Старый господин, а в глазах у него – ответы на тысячи загадок. О нем ходила слава, что никто не может выиграть у него в загадки. Вот я и поплыл на корабле с торгов-

цами и вызвал его. Он сказал, что великие властители Аума, Ана и Хела – трех областей Ана – и даже лучшие отгадчики из Кэйтнарда порой вызывались сразиться с ним в эту игру, но никогда на это не отваживался ни один земледелец Хеда. Я ответил, что учился отгадывать загадки. В общем, мы стали играть, и я выиграл. Привез домой эту корону и положил под кровать – до тех пор, пока не решу, что с ней делать. Ну и что? Стоило ли из-за этого столько шума поднимать?

– Он лишился своей короны, когда проиграл ее, – ровным голосом произнес Элиард. – А чего бы ты лишился, если бы он выиграл?

Моргон ощутил горечь в разбитом рту. Глаза его устремились на поля за спиной Элиарда.

– Видишь ли, – выговорил он после долгого молчания. – Видишь ли, я же должен был выиграть.

Элиард резко поднялся, отступил на два шага от Моргона и замер, сжимая кулаки. Затем, словно очнувшись, снова подошел к Моргону и опустился рядом с ним на корточки.

– Ну и дурак же ты.

– Пожалуйста, не начинайте опять ссориться, – попросила Тристан.

– Вовсе я не дурак, – возразил Моргон. – Я же выиграл, правда?

Лицо его было спокойно, он смотрел на Элиарда так, словно ничего не случилось, – Керн с Хеда, князь с кочаном капусты на своей короне...

– Изволь, наконец, ответить на мой вопрос!

– Пожалуйста. Керн с Хеда, единственный князь Хеда кроме меня, который владел короной, имел сомнительное счастье быть преследуемым однажды неким существом, лишенным имени. Возможно, под влиянием херунского вина. Существо все окликало и окликало его по имени. Керн убежал от него, вошел в свой дом, в котором было семь покоев за семью дверями. Каждую из дверей он запирает за собой, пока не добрался до самой последней комнаты, откуда уже не было выхода. Из нее уже некуда было бежать... И он все слышал, как одна за другой двери, которые он только что запер, с силой отворяются, и каждый раз при этом его вновь и вновь окликали по имени. Он сосчитал, что отворились шесть дверей и имя его повторилось шесть раз. Наконец перед седьмой дверью его опять окликнули по имени, но дверь не шелохнулась. Керн в отчаянии ждал, что существо, замершее совсем рядом, сломает и эту последнюю, седьмую, преграду и войдет, но этого не произошло. Наконец Керн, набравшись мужества, сам отворил дверь. Существа уже не было. И до конца дней своих он дивился, что же это взывало к нему.

Моргон умолк.

– Ну так что же это было? – спросил Элиард помимо своей воли.

– На самом деле Керн не открывал дверь. Это единственная хедская загадка. Знатоки из Кэйтнарда говорят, что главное – это уметь ответить на загадку, не имеющую ответа. Так

я и делаю.

– Да это вообще не твое дело! Твое дело – земля, хозяйство! И нечего рисковать жизнью в дурацкой игре в загадки с призраком из-за какой-то короны, абсолютно бесполезной, поскольку ты все равно держишь ее под кроватью и прячешь от всех. Да ты о нас-то думал? Ты ездил туда до того или после того, как они умерли?

– После, – заявила Тристан.

Элиард с силой ударил кулаком по молочной луже.

– Так я и знал.

– Но я же вернулся.

– А если бы нет?

– Я вернулся! Почему ты не можешь попытаться понять, вместо того чтобы рассуждать так, словно у тебя голова дубовая? Ты же сын Атола, у тебя его волосы, его глаза, его облик...

– Нет! – оборвала его Тристан.

Кулак Элиарда, поднятый и напряженный, остановился в воздухе. Моргон снова закрыл лицо руками.

– Почему, – тихо спросил Элиард, – почему, как ты думаешь, я так рассердился?

– Я знаю.

– Разве? Даже... даже спустя шесть долгих месяцев я все жду, что неожиданно услышу ее голос или увижу, как он выходит из амбара или возвращается с поля в сумерках. А ты? Откуда мне знать теперь, что, если ты покидаешь Хед, ты

вернешься? Ты мог бы помереть в той башне ради какой-то дурацкой короны – и оставить нас ждать твоего призрака. Поклянись, что ты никогда больше ничего подобного не сделаешь!

– Не могу.

– Можешь!

Моргон опустил руки и взглянул на Элиарда:

– Как я могу дать одно обещание тебе, а другое – себе самому? Но в одном я клянусь – я всегда буду возвращаться.

– Как ты можешь...

– Я клянусь в этом!

Элиард потупил взор и принялся рассматривать грязь, уже смешавшуюся с разлитым молоком в бурую массу.

– Это из-за того, что он позволил тебе поступить в то училище. Там-то у тебя все в башке и перемешалось.

– Может быть, так оно и есть, – устало согласился Моргон. Он посмотрел на солнце: – Уже половина утра прошла, а мы все сидим в навозе, и кислое молоко засыхает в наших волосах. – Он взглянул на Тристан: – Почему ты так долго ждала, чтобы спросить меня об этой короне? Что-то на тебя не похоже.

Девушка отвернулась.

– Я видела, какое у тебя было лицо, когда ты ее принес. Что ты собираешься с ней делать, Моргон?

Он ласково отвел прядь волос, упавшую на глаза Тристан.

– Есть у меня некоторые соображения.

Моргон поднялся на ноги и заметил Кеннона, сидящего на крыльце.

– А я считал, что ты уже едешь в восточный Хед, – укоризненно произнес он.

– Я и еду. Уже еду, – бодро отвечал Кеннон. – Уиндон Эймори никогда не простил бы мне, если бы я не увидел, чем все это закончилось. У тебя все зубы на месте?

– Да вроде бы.

Группа, застывшая в дверях, пришла в движение, и под взглядом Моргона все заспешили по своим делам. Он наклонился и помог Элиарду подняться на ноги.

– В чем дело?

– Да ни в чем таком особенном. Сам бы попробовал рухнуть в розовый куст. Не знаю, найдется ли у меня целая чистая рубаха.

– Найдется, – сказала Тристан. – Я еще вчера твоё белье постирала. В доме все вверх дном, вы... то есть мы, в таком виде... Торговцы вот-вот нагрянут, а это значит, что все женщины придут сюда посмотреть на их товар. А у нас такая грязь в зале! Да я со стыда помру.

– Как-то раньше ты не особенно об этом заботилась, – ехидно заметил Элиард. – Теперь вот вечно жалуешься. А то бегала себе чумазая, на юбке – собачья шерсть, и хоть бы что...

– И так бывало, – ледяным тоном ответила Тристан, – когда здесь был кто-то, чтобы смотреть за порядком в доме. А

теперь никого нет. Только я одна пытаюсь...

Она резко повернулась и пошла прочь, куры выпархивали у нее из-под ног, но Тристан даже не обращала на них внимания. Элиард со вздохом пощупал свои жесткие волосы:

– Голова моя – дубовая. Если ты польешь мне, я полью тебе.

Они скреблись и отмывались за домом. Кое-как приведя себя в порядок, Элиард отправился на ферму Грима Окленда, чтобы помочь грузить зерно из амбара на телеги, а Моргон пошел по полевой стерне к прибрежной дороге, ведущей к Толу.

Только что на якорь стали три торговых корабля, паруса их были уже убраны. Как только Моргон ступил на причал, с одного из них тут же спустили прочный трап. Матрос осторожно свел по нему с палубы вороную лошадь – изумительной красоты длинноногое животное. Солнце отражалось в лоснящихся, гладких боках, играло самоцветами на уздечке.

Торговцы приветствовали Моргона с носа корабля, и он ускорил шаг, чтобы встретить их, когда они сойдут на берег.

Они приближались к нему плотной живописной группой: некоторые из купцов были одеты в длинные тонкой работы оранжевые херунские одежды, другие красовались в анском платье или в облегающих, богато расшитых рубашках из Имриса. Они носили кольца и цепочки из Исига, отороченные мехом шапки из Остерланда, которые при случае охотно раздавали вместе с костяными ножами и медными пряжками

детям, стайками кружившим возле причала застенчиво наблюдая за приезжими. В числе других товаров на кораблях привезли железо из Исига и херунское вино.

Грим Окленд подошел на несколько минут позже, когда Моргон уже успел проверить качество вина.

– Мне бы тоже выпить глоточек после всего этого, – заметил Грим.

Моргон хотел было улыбнуться, но из-за разбитых губ передумал.

– Зерно погружено?

– Почти. Харл Стоун везет шерсть и кожи из твоего сарая. Было бы умно с твоей стороны взять весь металл, который они привезли.

Моргон кивнул, взгляд его снова скользнул в сторону воиной лошади, привязанной к поручням причала. Матрос притащил с корабля седло, уравновесил его на поручнях рядом с лошадью.

– Это чья же кобылка? – спросил Моргон, указывая на лошадь и суетящегося возле нее матроса. – Похоже, что кто-то прибыл к нам сюда вместе с торговцами. А иначе можно подумать, что Элиард тайно обменял ее на Акрен.

– Ну уж не знаю, – ответил Грим, и его рыжие седеющие брови медленно поползли вверх. – Парень, это, конечно, не мое дело, но пусть бы твои личные склонности не мешали твоему долгу, который ты рожден исполнять.

Моргон пригубил из чаши.

– А они мне и не мешают.

– Было бы крайне неприятно, если бы ты... – Грим пожевал губами. – Если бы ты умер, – закончил он.

Моргон пожал плечами:

– Но есть же Элиард.

Грим тяжело вздохнул:

– Говорил ведь я твоему отцу, чтобы не посылал тебя в то училище. Оно все у тебя в голове перепутало. Так нет же. Он и слушать не хотел. Говорил я ему, что худо отпускать тебя с Хеда так надолго; никогда так не делалось, ничего хорошего не могло из этого выйти. И ведь я был прав. Как думал, так и вышло. Ничем хорошим поездка твоя не закончилась. Ты удираешь в какую-то чужую страну, играешь в загадки с... с человеком, который должен был бы иметь совесть, чтобы оставаться там, где он есть, раз уж помер и предан земле. Нехорошо, нехорошо... Не так, совсем не так подобает вести себя князю Хеда. Не делается так.

Моргон приложил край тяжелой металлической чаши к своим распухшим губам и после недолгого молчания сказал:

– Певен не мог найти упокоение в могиле, ведь из-за того, что он неправильно произнес заклинание, он нечаянно убил семерых своих сыновей, а потом он покончил с собой – от горя, тоски и позора. Как ему после всего этого успокоиться?! Певен говорил мне, что после стольких лет с трудом вспоминает имена сыновей. Это его тревожило. Я узнал их имена в Кэйтнарде и назвал ему. Это его приободрило.

Лицо Грима налилось кровью.

– Не подобает тебе так себя вести, – резко бросил он. Грим отошел в сторону, поднял крышку сундука, наполненного железными брусьями, и с грохотом захлопнул. Рядом с Моргоном возник торговец:

– Ты доволен вином, господин?

Моргон кивнул. На торговце был камзол тонкого зеленого, точно весенние листья, сукна, белая норковая шапка, через плечо его висела на белом кожаном ремне арфа черного дерева.

– Чья эта лошадь? – спросил Моргон. – И где ты взял эту арфу?

Купец с улыбкой снял арфу с плеча:

– Я помню, как ты, господин, любишь арфы, вот и отыскал эту в Ане. Для тебя. Она принадлежала арфисту владельца Хела – Кола. Она очень старая, но посмотри, как хорошо сохранилась!

Моргон провел ладонями по изящным резным поверхностям, потрогал пальцами струны, слегка ущипнул одну из них.

– Уж больно много струн, – буркнул он. – Их тут, верно, больше тридцати.

– Тебе она нравится? – спросил купец. – Возьми ее себе на время, играй на ней.

– Я, наверное, не смогу...

Купец остановил его легким движением руки:

– Как можно определить цену такой арфы? Возьми ее, узнай ее. Нет нужды решать прямо сейчас. – Он помог Моргону перекинуть ремень через плечо. – Коли она тебе понравится, без сомнения, мы сможем прийти к соглашению, которое устроит нас обоих.

– Без сомнения. – Моргон посмотрел на Грима Окленда и покраснел.

Так и понес он арфу в торговый зал в Толе. Купцы пробовали его пиво, проверяли качество зерна и шерсти, ели сыр и фрукты и обсуждали с Моргоном условия сделок. Грим Окленд не отходил от него и зорко наблюдал за торгом. Когда, наконец, обо всем договорились, Моргон отправил пустые телеги к причалу, чтобы загрузить их металлом, бочками с вином и брусками соли из копей за Кэйтнардом.

Возле причала привязали тягловых лошадей, чтобы нагрузить возы и отправить в Херун и Ан; торговцы начали прикреплять ярлыки к мешкам с зерном и бочонкам с пивом. Неожиданно, уже ближе к полудню, по прибрежной дороге загромыхали телеги Уиндона Эймори.

Кеннон Мастер, сидевший на последней из телег, соскочил на землю и обратился к Моргону с объяснениями:

– Уиндон еще вчера их отправил, но у одной колесо сломалось, так что возчикам пришлось его чинить у Сила Уолда – вот и застряли на всю ночь. Я их по дороге встретил. Ты сговорился насчет этой арфы?

– Почти. Послушай ее.

– Моргон, ты же знаешь – я ничего в арфах не понимаю. А у тебя рот как раздавленная слива.

– Не смей меня, – попросил Моргон. – Отвезете вы с Элиардом купцов в Акрен? Здесь они почти все закончили.

– А ты что собираешься делать?

– Лошадь куплю. И пару башмаков.

Кеннон поднял брови:

– И арфу?

– Возможно.

Кеннон усмехнулся:

– Хорошо. Ради тебя увезу Элиарда подальше.

Моргон спустился в трюм корабля, где на время путешествия было устроено стойло для полудюжины анских лошадей. В то время как люди складывали мешки с зерном под навес, он присматривался к великолепным животным. Там его и обнаружил один из купцов. Некоторое время они разговаривали. Моргон поглаживал пальцами гладкую шею жеребца цвета отполированного дерева. Наконец он вышел, глубоко вдыхая свежий воздух.

Большинство телег уехало; матросы устремились к торговому залу, чтобы поесть. Волны плескались о борта корабля, белая пена кружилась вокруг прочных сосновых стволы, поддерживающих причал.

Он дошел до конца пирса и сел. В отдалении, то погружаясь в воду, то снова взлетая на гребни волн, качались рыбачьи лодки из Тола; далеко за ними темной линией на го-

ризонте лежал широко протянувшийся материк – владения Высшего.

Моргон аккуратно пристроил арфу на колене и заиграл песню жатвы – отчетливый ровный ритм попадал в такт с ударами сердца. В его памяти всплыл отрывок из имрисской баллады, он, запинаясь, извлекал его из струн, когда на руки его упала тень.

Моргон поднял голову. Возле него стоял человек, которого он прежде никогда не видел, – не купец, не моряк, не земледелец... Одет он был неброско – тонкая ткань его рубашки и ее темно-синий цвет, тяжелая цепочка из квадратных серебряных звеньев ровным счетом ничего не говорили Моргону о том, кем мог быть этот человек. Лицо у незнакомца было худое, немолодое, обрамленное свободно свисающими серебристыми волосами.

– Моргон с Хеда?

– Да.

– Я Дет, арфист Высшего.

У Моргона перехватило дыхание. Он дернулся было, чтобы встать, но арфист опередил его, присев на корточки, чтобы разглядеть арфу.

– Юон, – сказал он, показывая Моргону буквы, складывающиеся в имя, наполовину скрытое резными завитушками. – Он был мастером арф в Хеле триста лет назад. Сохранилось только пять арф его работы.

– Торговец сказал, что она принадлежала арфисту владе-

теля Кола. А ты приехал... Ты, должно быть, приехал с ними. Это твоя лошадь? Почему ты не сказал раньше, что ты здесь?

– Ты был занят, я предпочел подождать. Прошлой весной Высший велел мне поехать на Хед, чтобы выразить его печаль по случаю смерти Атола и Спринг. Но из-за суровой зимы невозможно было выехать из Исига, потом меня задержала в Имресе осада Кэруэддина, а когда я уже собрался отплыть из Кэйтнарда, Мэтом из Ана попросил меня выполнить срочное поручение и отправиться в Ануйн. Извини, что я приехал так поздно.

– Помню твоё имя, – медленно выговорил Моргон. – Отец часто рассказывал, как Дет играл на его свадьбе. – Он умолк, погрузившись в грустные воспоминания, но вскоре спохватился:

– Извини. Я хотел сказать, что ему нравилась твоя игра на арфе. Я бы тоже не отказался тебя послушать.

Арфист пристроился на пирсе и взял в руки арфу Юона.

– Что бы тебе хотелось услышать?

Моргон почувствовал, как его губы невольно искривились в улыбке:

– Сыграй... Дай подумать... Ты не сыграешь то, что я тут тщетно пытался изобразить?

– «Плач по Белу и Байло».

Дет мягко тронул струны и начал старинную балладу:

Светловолосая Белу родилась вместе

С темноголовым Байло, и смерть их связала.
Плачьте, плачьте о Белу, прекрасные дамы,
И о Байло горюйте тоже...

Его пальцы безошибочно извлекали мелодию из сверкающих, близко расположенных друг к другу струн. Моргон слушал, застыв неподвижно, глаза его остановились на отстраненном лице арфиста. Приятный голос, искусные пальцы, натренированные до совершенства, следовали за Байло, беспомощным в превратностях своей бурной судьбы. Смерть, которой он избежал, смерть, которая следовала за ним по пятам, которая скакала позади Белу, которая бежала рядом с его конем, точно охотничья собака, – все это не только слышал сейчас Моргон, но и видел воочию.

Светловолосая за черным
Следовала Байло, а смерть
Голосом Белу Байло звала,
А голосом Байло – Белу...

Долгий, печальный вздох прибоя поставил последний аккорд в истории их смертей. Моргон пошевелился. Он положил ладонь на темную резную поверхность арфы:

– Если бы я мог извлекать такие звуки из этой арфы, да я бы собственное имя продал и жил бы безымянным.

Дет улыбнулся:

– Слишком высокая цена даже за одну из Юоновых арф.

А что торговцы за нее просят?

Моргон пожал плечами:

– Они возьмут то, что я предложу.

– Ты очень ее хочешь?

Моргон взглянул Дету в глаза:

– Я бы продал за нее мое имя, но не зерно, над которымгнули спины мои земледельцы во время жатвы, и не лошадей, которых они вырастили и объездили. То, что я хочу предложить, принадлежит мне одному.

– Тебе нет нужды оправдываться передо мной, – тихо сказал арфист.

Губы Моргона скривились, он рассеянно дотронулся до них.

– Извини. Половину сегодняшнего утра я провел оправдываясь.

– В чем?

Моргон посмотрел на грубые, подбитые железом доски пирса:

– Ты знаешь, кто мои родители?

– Да.

– Моя мать хотела увидеть Кэйтнард. Отец навестил меня два или три раза, когда я учился в училище, руководимом Мастерами Загадок в Кэйтнарде. Звучит-то это просто, но от него требовалось немалое мужество, чтобы это совершить: уехать с Хеда, отправиться в большой незнакомый город. Князя Хеда корнями росли в родную землю. Когда я

вернулся домой год тому назад, после того как три года провёл в Кэйтнарде, мой отец с увлечением рассказывал о том, что он повидал – торговые корабли, людей из разных стран, – и, когда он рассказал о лавках, богатых материями, мехами и красками из пяти королевств, мать не могла побороть свое желание поехать туда. Она любила тонкие разноцветные ткани... И вот прошлой весной, после окончания весенней торговли, они отплыли вместе с купцами. И не вернулись. Корабль на обратном пути пропал. Они так и не вернулись, – повторил Моргон, дотрагиваясь до шляпки гвоздя и очерчивая вокруг нее круг. – Было кое-что, что я долгое время хотел сделать. Мой брат Элиард узнал об этом сегодня утром. Я ничего не говорил ему об этом раньше, потому что знал: он расстроится. Я сказал ему только, что отправляюсь в западный Хед на несколько дней, и скрыл, что еду за море, в Ан...

– В Ан? Зачем же ты... – Арфист не закончил фразу. – Моргон с Хеда, так это ты выиграл корону Певена? – наконец после короткой напряженной паузы звенящим голосом спросил Дет.

Моргон резко вскинул голову:

– Да. А что?.. Да.

– Ты не сказал королю Ана...

– Я никому не сказал. Чего зря болтать?

– Аубер из Аума, один из потомков Певена, отправился к нему в башню, чтобы попытаться отыграть аумскую корону у мертвого властителя, и обнаружил, что короны больше нет, а

Певен умоляет, чтобы его освободили и позволили покинуть башню. Напрасно Аубер требовал назвать ему имя человека, который выиграл корону: Певен только твердил, что не станет больше отгадывать никаких загадок. Аубер все рассказал Мэтому – рассказал, что кто-то тайно проник в эту страну, победил в игре в загадки, из-за которой другие столетиями лишались своих жизней, и потихоньку скрылся. Он вызвал меня из Кэйтнарда и попросил найти корону. Хед – последнее место, где я рассчитывал ее обнаружить.

– Она все время лежала у меня под кроватью, – безучастно проговорил Моргон. – Это единственное укромное местечко в Акрене. Но я не понимаю... Неужели Мэтом хочет вернуть ее? Мне-то она не нужна. Я даже и не взглянул на нее ни разу с тех пор, как привез домой. Но я считал, что из всех людей именно Мэтом поймет...

– Корона твоя по праву. Мэтом последним будет спорить с этим. – Он сделал паузу, в глазах его появилось выражение, озадачившее Моргона. Арфист тихо добавил: – И если ты захочешь, твоей станет дочь Мэтома, Рэдерле.

Моргон сглотнул. Оказалось, что он уже стоит на ногах, глядя на арфиста сверху вниз. Моргон опустился на колени, внезапно видя вместо лица Дета бледное, с высокими скулами лицо, поражающее неожиданной выразительностью, обрамленное длинными густыми потоками прекрасных рыжих волос.

Он прошептал:

– Рэдерле... Я ее знаю. Сын Мэтома Руд учился вместе со мной, мы с ним были добрыми друзьями. Она часто навещала брата... Но я не понимаю...

– В день ее рождения король дал клятву отдать ее только за того, кто выиграет корону Аума у Певена.

– Он дал клятву... Что за дурацкий поступок – обещать Рэдерле любому, у кого достаточно мозгов, чтобы переиграть Певена. Ведь это мог быть любой... – Моргон умолк и густо покраснел. – Это был я.

– Да.

– Но я... Не может же она пойти за земледельца. Мэтом никогда не согласится.

– Мэтом поступит так, как сочтет нужным. Полагаю, ты сам у него спросишь.

Моргон уставился на Дета:

– Ты хочешь сказать – я должен поехать за море в Ануйн, к королевскому двору, войти в его тронный зал, будто к себе домой, и запросто спросить его об этом?

– Ты же вошел в башню Певена.

– Это другое дело. Тогда на меня не глазели владыки всех трех частей Ана.

– Моргон, Мэтом связал себя, дав клятву от своего собственного имени, а владыки Ана, которые потеряли предков, братьев и даже сыновей в той башне, только воздадут честь твоей храбрости и уму. Единственный вопрос, который ты должен обдумать в настоящий момент: хочешь ли ты женить-

ся на Рэдерле?

Моргон, приходя в отчаяние от мучительной неуверенности, запустил пальцы в волосы, и ветер, поднявшийся с моря, разметал их по его лицу. «Рэдерле». Звездный узор, находящийся высоко на лбу, живо вспыхнул на его коже. Он снова увидел ее лицо: она, призрак, мечта, словно обернулась, чтобы посмотреть на него. «Рэдерле».

Он увидел, как лицо арфиста внезапно стало спокойным, как будто бы ветер, пролетая, унес его тревоги. Неуверенности Моргана наступил конец, как кончается последняя строка песни.

2

На следующее утро он сидел на бочонке пива на палубе торгового корабля, наблюдая, как волна за кормой разделяется на две и словно измеряет Хед ножками циркуля.

Рядом с ним лежал узел одежды, которую собрала для него Тристан. Провожая Моргона в дорогу, она непрерывно болтала, так что Моргон, хоть слушал ее вполуха, так и не смог проследить, что же Тристан сунула в узел кроме короны. В отличие от сестры, Элиард сказал на прощание очень мало. Пока Тристан щебетала и собирала вещи, Элиард вышел из дома – лишь через некоторое время Моргон, решив поискать брата, обнаружил его в кузнице, где тот ковал подкову.

– А я-то собирался обменять эту корону на гнедого анского жеребца, – сказал Моргон, присаживаясь рядом с братом.

Элиард продолжал работать: он опустил раскаленную подкову в воду, затем неожиданно отшвырнул клещи, схватил брата за плечи и прижал к стене.

– Не воображай, что сможешь купить меня лошастью!

Через мгновение он отпустил Моргона – последние слова неожиданно показались ему бессмысленными. Лицо Элиарда приобрело спокойное выражение.

– Извини, – тихо сказал он. – Просто я волнуюсь из-за того, что ты уезжаешь... А уверен ты, что ей здесь понравится?

– Я и сам бы хотел это знать.

Когда они вместе вернулись в комнату Моргона, Тристан, закончившая сборы, держала в руках плащ брата. Она оглядела помещение, переставила с места на место стул.

– Моргон, я надеюсь, она умеет смеяться, – шепнула она.

Корабль несся вперед с попутным ветром, Хед все уменьшался в размерах, пока не превратился в едва различимое пятнышко, а затем и вовсе исчез.

Арфист Высшего вышел на палубу и встал у поручней. Его серый плащ развевался за спиной, словно знамя. Моргон посмотрел на его лицо без единой морщинки, не тронутое загаром. Он ощущал какую-то странную несовместимость, загадку, таящуюся в этом человеке. Она была во всем: и в серебристо-белых волосах, и в удивительно тонком сложении, – весь облик арфиста был каким-то непривычным, как будто неземным.

Арфист повернул голову, их глаза встретились.

– Откуда ты? – спросил Моргон. – Из какой страны родом?

– Я не из страны. Я родился в Лунголде.

– В городе волшебников? А кто научил тебя так играть на арфе?

– Многие, – задумчиво ответил арфист. – Имя себе я взял в честь Тирунедета, арфиста Моргола Крона, это он обучил меня херунским песням. Я попросил его об этом, и вовремя – вскоре он умер.

– Крон? – переспросил Моргон. – Илкоркронлт?

– Да.

– Он правил Херуном шестьсот лет назад.

– Я родился, – спокойно сообщил арфист, – в скором времени после того, как построили Лунголд. Тысячу лет назад.

Моргон не шевелился, пораженный словами арфиста. На залитой солнцем поверхности моря вспыхивали и гасли тонкие лучики света. Наконец он прошептал:

– Неудивительно, что ты так играешь. У тебя была тысяча лет, чтобы выучить песни страны Высшего. Но на вид ты совсем не старый. Мой отец, когда я в последний раз видел его, выглядел старше. Ты сын чародея? О, прости. – Моргон, спохватившись, прервал свои расспросы. – Это вовсе меня не касается. Я только...

– Хотел полюбопытствовать? – Арфист улыбнулся. – Для князя Хеда у тебя необычное любопытство.

– Знаю. Вот почему мой отец, в конце концов, и послал меня в Кэйтнард – я все время задавал вопросы. Он не знал, как на них ответить. Но, будучи человеком мудрым и добрым, он меня отпустил учиться.

Моргон снова замолчал, губы его слегка дрогнули.

Устремив взгляд на приближающуюся землю, арфист сказал:

– Я никогда не знал своего отца. Я родился безымянным на окраинах Лунголда в то время, когда чародеи, короли и даже сам Высший проезжали через город. Так как у меня никогда не проявлялось ни тяги к земле, ни колдовского да-

ра, я давным-давно оставил попытки догадаться, кто же был моим отцом.

Моргон задумчиво произнес:

– Данан Исигский даже тогда был уже весьма и весьма стар, и Хар из Остерланда тоже. Никто не знает, где рождались чародеи, но если ты даже сын волшебника, то после всех этих лет ты давно уже ничего никому не должен.

– Это не важно. Волшебников больше нет, и я действительно ничего не должен ни одному из живущих ныне правителей, кроме Высшего. У него на службе я и получил имя, место, свободу передвижения и суждений. Я ответствен только перед ним; он ценит меня за мою игру на арфе и за мое благоразумие – и то и другое с годами совершенствуется. – Он наклонился, чтобы поднять арфу, повесил ее на плечо. – Через несколько минут причаливаем.

Моргон встал рядом с арфистом. Торговый город Кэйтнард с его огромным портом, десятками гостиниц и лавочек протянулся в форме полумесяца между двумя странами. Корабли с раздувавшимися парусами цветов херунских торговцев – оранжевыми и золотыми – слетались сюда, точно птицы на насест. На выступе скалы, образующей один рог залива-полумесяца, темнело здание, каменные стены и покои которого были знакомы Моргону. Воспоминание о тонком насмешливом лице брата Рэдерле всплыло в его памяти, пальцы крепче вцепились в поручень.

– Руд. Мне придется сказать ему. Интересно, в училище

ли он. Я с ним год не виделся.

– Я разговаривал с ним два дня назад, когда останавливался в училище перед тем, как поехать на Хед. Он как раз получил Золотое одеяние Младшего Мастера.

– Тогда он, возможно, ненадолго поехал домой.

Корабль в последний раз накренился от накатившей при входе в гавань волны и сбавил скорость. Матросы, громко перекрикиваясь, стали убирать паруса. Голос Моргона прозвучал совсем тихо:

– Интересно, что он скажет...

Морские птицы на спокойной воде покачивались, как челноки на ткацком станке. Корабль медленно скользил мимо доков, изобилующих товарами, которые выгружали и погружали: свертки тканей, сундуки, дерево, вино, меха, разнообразная живность – чего здесь только не было. Матросы приветствовали друзей на причале, купцы перекликались друг с другом – в порту царила обычная деловая, с оттенком непрекращающегося праздника жизни, суета.

– Корабль Лайла Орна пойдет в Ануйн сегодня с вечерним отливом, – сообщил Дету и Моргону один из торговцев, прежде чем они сошли на берег. – Вы его узнаете по красным и желтым парусам. Тебе нужна твоя лошадь, господин?

– Я пройду пешком, – ответил Дет. И, уже ступив на спущенный трап, посмотрев на Моргона, добавил: – В списках мастеров училища есть неразгаданная загадка: кто победил в игре с Певеном из Аума?

Моргон вскинул на плечо свой узел и кивнул:

– Я им отвечу. Ты собираешься зайти в училище?

– Позже.

– Значит, с вечерним отливом, господа, – напомнил купец.

Они расстались на мощенной булыжником улице, идущей от пристани в город. Моргон повернул налево и пошел по дороге, хорошо известной ему уже несколько лет. Узкие улочки города в это полуденное время были запружены купцами, сошедшими на берег морями, прибывшими из разных стран, бродячими музыкантами, охотниками, студентами в ярких желтых одеяниях, говорящих об их ранге, богато разодетыми жителям Ана, Имриса, Херуна.

Моргон с узлом на плече пробирался сквозь яркую толпу, не замечая никого вокруг себя, не обращая внимания на шум и толкотню. Окраинные улочки были поспокойнее; та дорога, по которой он шел, извиваясь, вела за пределы города, оставляя позади таверны и лавки, поднималась вверх над сверкающим в лучах солнца морем.

Теперь на пути встречались только редкие студенты, идущие по направлению к городу, бодрыми и уверенными головами обсуждая неразгаданные загадки.

Дорога свернула под прямым углом и стала ровнее. Вот и старинное здание училища из грубых темных камней, безмятежно возвышающееся в окружении продуваемых всеми ветрами деревьев, массивное, точно сама обрывающаяся за

ним скала.

Моргон постучался в знакомые двойные двери, сработанные из крепкого старого дуба.

Открыл привратник, веснушчатый молодой человек в белой одежде начинающего осваивать мастерство, окинул взглядом Моргона и его узел, затем неспешно произнес:

– Спрашивай, и здесь ответят на твой вопрос. Если ты ищешь знания, тебя здесь примут. Мастера экзаменуют кандидата на Красное одеяние подмастерья, их нельзя беспокоить. Ну разве что известием о смерти или судьбе. – Привратник выдержал паузу, затем спросил: – Как твое имя?

– Моргон, князь Хеда.

– А-а...

Широкая улыбка осветила лицо молодого человека.

– Входи. Я позову Мастера Тэла.

– Нет, не беспокой его. – Моргон переступил через порог. – Руд из Ана здесь?

– Да, он на третьем этаже, напротив библиотеки. Я провожу тебя.

– Я знаю дорогу.

Темнота низких сводчатых коридоров рассеивалась только там, где они заканчивались широкими окнами, пробитыми в каменных стенах толщиной в фут. Рамы окон были освинцованы. Пройдя по знакомому пути и миновав несколько коридоров, Моргон оказался в зале, по обе стороны которого находились ряды закрытых дверей. На одной из

них Моргон прочитал имя Руда, написанное на деревянной планке, на этой же планке красовалось изящное изображение вороны. Гость постучал, услышал неразборчивый ответ и толкнул рукой дверь, которая, будучи незапертой, легко отворилась, и Моргон вошел в маленькую комнатку с каменными стенами.

Князь сидел скрестив ноги на кровати, которая была завалена книгами, одеждой, горами бумажных листов, замерший в обдумывании чего-то важного, почти теряясь среди этого беспорядка.

Через несколько секунд, взглядевшись повнимательнее, Моргон понял, что Руд, сидящий на кровати в золотом недавно полученном одеянии, держит в руках чашу из светлого стекла, наполовину наполненную вином, и читает письмо.

Наконец Руд услышал – или почувствовал – присутствие в комнате постороннего и резко вскинул голову. Это движение сразу же заставило Моргона словно бы переступить невидимый порог и оказаться в прошлом. Слишком уж знаком был ему этот жест – резкий поворот головы, волосы, взлетающие вверх и открывающие тонкое, всегда, даже в минуты бесшабашного студенческого веселья, сосредоточенное лицо Руда.

– Моргон! – Руд тяжело поднялся с кровати, опрокинув позади себя кипу книг. Он шагнул к Моргону, сжал его в объятиях, не выпуская, впрочем, из одной руки чашу, а из другой – письмо.

– Присоединяйся ко мне. Я праздную. Странно видеть тебя без привычного одеяния... Да, ведь я и забыл: ты теперь земледелец. Ты именно поэтому приехал в Кэйтнард? Привез свое зерно, или вино, или что там еще?..

– С пивом я приехал, – ответил Моргон. – Мы не умеем еще делать хорошее вино.

– Как это печально. – Руд не сводил с Моргона глаз. – Я слышал о твоих родителях. Торговцы только о них и говорили. Я, признаться, тогда рассердился.

– Почему?

– Потому что это замуровало тебя в Хеде, сделало из тебя земледельца, занятого мыслями только о яйцах, свиньях, пиве и погоде. Ты никогда сюда не вернешься, а мне тебя так не хватает...

Моргон швырнул свой мешок в угол. Спрятанная корона заставляла его чувствовать себя виноватым.

– Я приехал, – тихо сказал Моргон, – я должен... Я должен тебе кое-что рассказать, но не знаю, как начать...

Руд быстро разжал объятия, даже слегка оттолкнув Моргона от себя, и отвернулся.

– Ничего не хочу слушать. – Он взял вторую чашу и наполнил вином, не забыв добавить и в свою. – Два дня назад я получил Золотую Степень.

– Знаю. Поздравляю тебя. Ты с тех пор так и празднуешь?

– Не помню. – Руд протянул чашу Моргону, вино плеснуло ему на пальцы. – Я один из детей Мэтома, потомок Кале

и Эна через ведьму Мадир. Только один человек во все времена получил Золотое одеяние Младшего Мастера быстрее меня. И он уехал домой, чтобы стать земледельцем.

– Руд...

– Ты что, забыл теперь все, чему тебя учили? Да ты же щелкал загадки, как орешки. Ты должен был стать Мастером. У тебя есть брат, ты мог бы передать ему право на землеправление.

– Руд, – спокойно сказал Моргон, – ты прекрасно знаешь, что это невозможно. И знаешь, что я явился сюда не затем, чтобы получить Черное одеяние. Никогда оно не было мне нужно. Ну что бы я в нем делал? Обрезал бы в нем деревья?

Руд с неожиданной злостью в голосе прервал речь Моргона:

– Находить ответы к загадкам! У тебя был для этого дар, у тебя было зрение! Ты сказал однажды, что хочешь победить в той игре. Почему ты не сдержал слово? Вместо этого ты уехал домой и теперь варишь там свое пиво, а какой-то тип без имени и без собственного лица выиграл два великих сокровища Ана. – Руд порвал письмо, которое все это время держал в руке, на мелкие клочки и сжал обрывки в кулаке. – Кто теперь станет ее супругом? Человек вроде Райта из Хела, с лицом, высеченным из золота, и сердцем, подобным гнилому зубу? Или Тистин из Аума, с размягченным, как у ребенка, мозгом и слишком старый для того, чтобы забираться на кровать без посторонней помощи? Если ее заставят вый-

ти за такого человека, я никогда не прощу ни тебя, ни моего отца. Его прежде всего, потому что он дал такую клятву, а тебя – потому что ты дал в этой самой комнате слово, которое не сдержал. С тех пор как ты отсюда уехал, я пообещал себе, что выиграю у Певена, чтобы освободить Рэдерле от той судьбы, на которую обрек ее отец. Но я не успел даже попробовать. Не успел.

Моргон уселся на стул у письменного стола Руда.

– Перестань кричать. Послушай, пожалуйста...

– Что послушать? Ты даже не сумел быть верным одному правилу, которое сам считал более истинным, чем остальные.

Руд уронил на пол обрывки письма и, наклонившись к Моргону, отчеканил:

– Правило это – отгадывать те загадки, которые не имеют ответа. Или ты забыл его?

Моргон не выдержал:

– Когда ты, наконец, прекратишь болтать и выслушаешь меня? Мне и без того трудно сообщить тебе то, что я хочу сказать, а ты еще и каркаешь при этом, как дикая ворона. Как ты думаешь, Рэдерле не станет что-то иметь против того, чтобы поселиться в деревне? Я должен это знать.

– Не обижай ворон – кое-кто из моих предков были воронами. Разумеется, Рэдерле не сможет жить в деревне. Она вторая красавица трех уделов Ана, она не будет жить среди свиней и...

Он внезапно умолк, продолжая стоять посреди комнаты, и тень его застыла на каменной стене. Под тяжестью его мрачного взгляда Моргон онемел.

Моргон наклонился к своему узлу и развязывал его дрожащими пальцами. Когда он вытащил корону, крупный центральный камень, сам по себе бесцветный, мгновенно вобрал в себя все краски комнаты, отразил золото одеяния Руда и засиял, словно солнце. Ошеломленный его текучим, неистовым блеском, Руд издал Великий Крик.

Моргон уронил корону и зажал пальцами уши. От крика Руда разлетелась на мелкие осколки стеклянная чаша с вином, разбилась вдребезги бутылка на крошечном столике, вино потекло на пол. Железная застежка на одном из книжных томов раскрылась, дверь комнаты с грохотом захлопнулась.

Раздались возмущенные голоса, эхом раскатившиеся по всему длинному коридору. Моргон выпрямился и сказал негромко:

– Не было никакой нужды так орать. Ты отвезешь корону Мэтому. Я возвращаюсь домой.

Руд схватил его за руку и стиснул ее изо всей силы:

– Ах ты...

Хватка Руда ослабла, потом он и вовсе разжал пальцы, выпустил Моргона. Подошел к двери и быстро повернул ключ в замке, не обращая внимания на чей-то громкий стук.

– Почему ты спросил меня об этом? – прошептал Руд.

Лицо его приобрело странное выражение, как будто этот крик очистил его мозг от всего, кроме осознания великого чуда.

Он сказал дрожащим голосом:

– Сядь. Я сойду сейчас с ума, Моргон, почему же... почему ты не предупредил меня, что собираешься вызывать Певена?

– Я предупредил. Я же сказал тебе два года назад, когда мы всю ночь сидели, загадывая друг другу загадки, готовясь к Сине́й Степени для начинающих.

– Но почему ты это сделал – уехал с Хеда, никому ничего не сказав, уехал из Кэйтнарда, не дав мне знать, потихоньку, как сама судьба, явился в страну моего отца, чтобы стать лицом к лицу со смертью в той темной башне, которая воняет на восточном ветру? Ты даже не сообщил мне, что выиграл. Уж это-то ты мог бы сделать. Любой владетель Ана мог бы принести такую потрясающую новость в Ануйн с победными криками, во все трубы трубили бы!

– Я не думал, что встревожу Рэдерле. Я просто ничего не знал о клятве вашего отца. Ты мне ни разу об этом не говорил.

– Ну а чего ты от меня ожидал? Я видел, как Великие Владетели покидали Ануйн, чтобы ради моей сестры поехать в башню к Певену, и никто из них не вернулся. Ты думаешь, мне хотелось, чтобы ты рисковал жизнью? Зачем же ты пошел на это, если не ради Рэдерле или не ради чести прийти

ко двору в Ануйне с этой короной? И ты сделал это даже не из самолюбия, ведь ты даже Мастерам ничего не сказал.

Моргон поднял корону, повертел ее в руках. Центральный камень засиял зеленым цветом, отражая зеленую рубашку Моргона.

– Потому что я должен был это сделать, – сказал он. – Ни по какой другой причине, только по этой. А не говорил я никому просто потому, что это было такое личное дело... И еще потому, что не понимал, выходя на рассвете живым из этой башни, великий ли я мастер загадок или великий дурак. – Он посмотрел на Руда: – Что скажет Рэдерле?

Губы Руда дрогнули:

– Понятия не имею. Моргон, да ты же наделал в Ане переполах подобно Мадир, которая украла стада свиней из Хела и пустила их пастись на засеянные хлебом поля в Ауме, – с тех пор никто не знал ничего подобного! Рэдерле написала мне, что Райт из Хела обещал похитить ее и тайно на ней жениться – по одному ее слову; что Дуак, который раньше ходил за нашим отцом точно тень, этим летом едва ли обменялся с ним несколькими словами; что на него злятся владельцы трех уделов, настаивая, чтобы он нарушил свою клятву. Но легче дыханием изменить направление ветра, чем непостижимые намерения нашего отца. Рэдерле все время видит ужасные сны о каком-то громадном незнакомце, не имеющем ни лица, ни имени, который скачет в Ануйн с короной Аума на голове, будто он предъявляет на нее права и увозит

ее в какую-то богатую страну внутри некой горы или на дне моря, где нет никакой любви. Отец посылал людей по всему Ану, чтобы они разыскали человека, выигравшего корону. Он посылал людей с таким же поручением и сюда, в училище. Он просил торговцев спрашивать об этом повсюду во владениях Высшего, где только они окажутся. Он не подумал о том, чтобы спрашивать на Хеде. И я тоже. Мне-то следовало бы понять. Я должен был знать, что это вовсе не какая-то кошмарная, таинственная и могущественная личность, что тут должно быть что-то еще более неожиданное. Кого угодно мы ожидали найти, но только не тебя.

Одним пальцем Моргон пощупал жемчужину молочного, словно зубы ребенка, цвета.

– Я буду ее любить, – пообещал он. – Этого достаточно?

– А как ты сам думаешь?

Моргон беспокойно шевельнулся:

– Я не знаю, и ты не знаешь. Мне так страшно подумать о том, какое выражение примет ее лицо, когда она увидит, как корону Аума привезу в Ануйн я. Ей ведь придется жить в Акрене. Ей придется... Придется привыкать к моему пастуху, Сногу Натту. Он приходит каждое утро к завтраку. Руд, не понравится ей это. Она родилась для великолепия Ана, она же в ужас придет. Да и отец ваш тоже.

– Только не отец, – спокойно заметил Руд. – Владетели Ана – они, возможно, и испугаются, но только верная гибель всего мира может ужаснуть моего отца. Как знать, может,

семнадцать лет назад, когда он давал эту клятву, он уже знал, что корона будет твоей. У него мозги – как бездонная тряпина, даже Дуак не знает, насколько она глубокая. Не знаю уж, что подумает Рэдерле. Я только знаю, что я бы не пропустил этого зрелища, даже если бы в Ануйне меня ждала сама смерть. Я собираюсь ненадолго съездить домой, отец пришлет за мной корабль. Поедем со мной.

– Меня ждут на торговом корабле, он отплывает сегодня вечером. Мне придется сообщить им. Со мной Дет.

Брови Руда скользнули вверх.

– Так это он нашел тебя? Этот человек отверстие от булавки отыщет в тумане.

В дверь снова кто-то заколотил. Руд с раздражением повысил голос:

– Уйдите! Сожалею, если я разбил что-то, что бы это ни было.

– Руд! – Слабый голос Мастера Тэла прозвучал громче обычного и с не свойственной ему суровостью. – Руд! Ты сломал застёжки в колдовской книге Нун!

Руд со вздохом поднялся и распахнул дверь. Целая толпа рассерженных учащихся, волновавшаяся за спиной Мастера, при виде Руда подняла громкий ропот. Голос Руда потонул в этом шуме.

– Я знаю, что Великий Крик запрещен, но он вырвался у меня импульсивно, вовсе не преднамеренно, я невольно поддался чувству... Да заткнитесь вы, пожалуйста!..

Однако ученики продолжали возмущаться. Моргон подошел и встал рядом с Рудом, держа в руках корону Аума, ее центральный самоцвет стал черным, как одеяние Мастера на Тэле. Моргон молча встретил суровый взгляд Мастера.

Однако стоило Мастеру увидеть Моргона, его лицо цвета пергамента приняло удивленное выражение, он сделал короткий жест рукой, утихомирив учеников, и в наступившей тишине спросил:

– Кто выиграл в состязании с Певеном из Аума?

– Я, – ответил Моргон.

Он рассказал всю свою историю, сидя в библиотеке Мастеров. Огромное собрание старинных книг занимало всю ширину и высоту стен. Восемь Мастеров внимательно слушали, Золотое одеяние Руда ярким пятном выделялось на фоне их черных одежд. Моргон говорил в полной тишине, и только когда он закончил, Мастер Тэл покачнулся на своем стуле и с удивлением пробормотал:

– Керн с Хеда.

– Откуда ты узнал? – спросил Руд. – Как ты догадался, что надо загадать именно эту загадку?

– Я не догадался, – ответил Моргон. – Я просто ее задал в тот момент, когда слишком устал, чтобы придумать что-нибудь другое. Я думал – эту загадку знают все. Но когда Певен закричал: «Нет на Хеде никаких загадок!», я понял, что победил в игре. Великого Крика не было, но я буду мысленно слышать эти слова до самой смерти.

– Керн. – Губы Руда искривились в легкой улыбке. – С самого начала весны владетели Ана задают только два вопроса: за кого пойдет замуж Рэдерле и что была за загадка, которую не смог отгадать Певен. Анский король Хагис, дед моего отца, умер в башне Певена из-за того, что не знал этой загадки. Владетели Ана должны были проявить больше внимания к этому маленькому острову. Теперь они так и сделают.

– В самом деле, – задумчиво сказал Мастер Ом, всегда невозмутимый поджарый мужчина, чей ровный голос никогда не менялся. – Возможно, что все мы слишком мало внимания уделяли Хеду. Есть ведь еще одна загадка без ответа. Если бы Певен из Аума загадал тебе ее, ты бы, при всех твоих знаниях, не сидел сейчас здесь.

Моргон посмотрел Ому в глаза – они были цвета тумана, такие же спокойные, как и голос Мастера. Моргон сказал:

– Без ответа и без ограничений не считалось бы.

– А если бы Певен владел ответом?

– Как он мог им владеть? Мастер Ом, когда я впервые сюда приехал, то всю зиму напролет вы помогали мне искать ответ к этой загадке. Певен приобрел свои знания из книг библиотеки, принадлежавшей Мадир, а до того – лунголдским чародеям. И во всех их писаниях, которые имеются здесь у вас, нигде не упоминается о трех звездах. Я не знаю, где искать ответ. И я не... Простите, но в эти дни мне не до того.

Руд возмутился:

– И это человек, который поставил свою жизнь против

своего знания! Берегитесь загадок, не имеющих ответа.

– Дело обстоит так: она пока без ответа, но, несмотря на то, что мне известно, может, ответ и не нужен.

Руд рубанул рукой воздух. Широкий рукав его одеяния раздулся, словно парус.

– Каждая загадка должна иметь ответ. Даже если ты, упрямец, отказываешься ее решать. Через сто лет студенты в Белом одеянии начинающих будут скрести затылки, дивясь неразумности князя Хеда, который проигнорировал первое и последнее правило Мастеров Загадок. Я думал, у тебя больше здравого смысла.

– Сейчас я хочу одного, – кратко заметил Моргон, – съездить в Ануйн, жениться на Рэдерле, а потом вернуться домой и выращивать пшеницу, варить пиво и читать книги. Разве это так трудно понять?

– Да, трудно! Ну почему ты отказываешься понимать самые простые вещи?!

– Руд, – обратился к нему Мастер Тэл. – Ты же знаешь, что ответ к загадке трех звезд у него во лбу долгое время искали, но так и не нашли. Что еще ты предлагаешь ему делать?

– Я предлагаю, – нашелся Руд, – чтобы он спросил Высшего.

Наступила недолгая пауза. Мастер Ом прервал ее, начав покачиваться и шуршать одеянием.

– Высший и в самом деле мог бы знать. Однако я подозреваю, что прежде, чем Моргон отправится в столь долгое и

опасное путешествие, ты снабдишь его более убедительной причиной, чем стремление к чистому знанию.

– Этого не потребуется. Раньше или позже, но ему придется отправиться туда.

Моргон вздохнул:

– Сколько раз тебе повторять одно и то же! Я хочу поехать в Ануйн, а не на гору Эрленстар. Не хочу я больше никаких загадок: после того как я провел ночь – начиная с сумерек и до самого рассвета – в башне с Певеном, напрягая что есть мочи мозги и судорожно пытаюсь припомнить все загадки до единой, какие я когда-нибудь изучал, я испытываю непреодолимое отвращение к играм в загадки.

Руд наклонился к Моргану, малейший след насмешки исчез с его лица.

– Тебе в училище окажут великие почести. Мастер Тэл сказал, что сегодня ты завоевал Черную Степень за то, что сделал такое, чего не смог Мастер Лаэрн. Он погиб, пытаюсь совершить то, что сделал ты. Ты поедешь в Ануйн, и анские владетели, и мой отец, и Рэдерле окажут тебе уважение, подобающее твоим знаниям и твоей храбрости. Но если ты примешь Черное одеяние, это будет неправильно, и если ты посулишь Рэдерле мирную жизнь на Хеде, это тоже будет неправильно: обещания своего ты выполнить не сможешь, потому что есть вопрос, на который ты когда-нибудь не ответишь, и обнаружишь, как Певен, что есть одна загадка, которую ты не знаешь, – и вот она-то, а не тысяча тех, что тебе

известны, тебя погубит.

– Руд! – Моргон крепко сжал губы, кисти рук его крепко впились в подлокотники. – Чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты стал Мастером – ради тебя же самого. Как можешь ты быть таким слепым? Как можешь ты так упрямо, так безрассудно отмахиваться от того, что, как ты прекрасно понимаешь, является чистой правдой? Как ты можешь позволить им называть тебя Мастером? Как ты можешь принять от них Черную Степень, если ты слеп к истине?

Моргон почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Он позабыл обо всех, кто еще находился в притихшей комнате, и смотрел только на Руда. Обращаясь к нему, он натянуто произнес:

– Я никогда не желал иметь Черную Степень. Но я желаю сам распоряжаться своей жизнью. Что такое эти звезды у меня во лбу, я не знаю и знать не хочу. В этом ты хочешь заставить меня признаться? Почему ты требуешь чего-то от меня? Кто мешает самому отправиться на поиски истины, и, когда ты ее найдешь и получишь Черную Степень, я приеду и буду праздновать с тобой вместе. Но все, что хочу я, – это покой.

– Покой, – мягко повторил Мастер Тэл. – Покой, Руд, не в твоём характере. Мы можем оценивать заслуги Моргона только по своим критериям, и, исходя из них, он заслужил Черную Степень. Какие еще почести мы можем ему воздать?

Руд поднялся. Он сорвал с себя Золотое одеяние, дал ему

соскользнуть на пол и стоял перед потрясенными Мастерами полуголый.

– Если вы дадите ему Черную Степень, я никогда больше не буду носить никакого одеяния Мастерства.

На напряженном лице Моргона выступили капли пота. Он откинулся на спинку стула и ледяным тоном сказал:

– Надень свое платье, Руд. Я сказал, что мне не нужно Черной Степени, и я ее не приму. Не дело хедского земледельца разгадывать загадки. Кроме того, что за честь для меня носить то же одеяние, что ЛаэРН потерял в этой башне и какое теперь носит Певен?

Руд, подобрав свое одеяние с полу, подошел к Моргону, наклонился и сказал негромко, приблизив свое побледневшее лицо вплотную к его лицу:

– Подумай. Пожалуйста, подумай.

Он смотрел Моргону в глаза не мигая, неподвижностью своего тела, застывшего в неловком полупоклоне, заставляя всех присутствующих замолчать в напряжении. Наконец Руд резко выпрямился и повернулся, чтобы уйти. Моргон почувствовал облегчение, словно пронизывающий взгляд Руда сковывал его физически, подобно оковам. Услышав, как хлопнула дверь, он уронил голову на руки и прошептал:

– Извините меня. Я не собирался говорить такого о Лаэрне. Я просто вышел из себя.

– Правда, – буркнул Мастер Ом, – не нуждается в извинениях.

В его глазах цвета тумана, глядевших на Моргона, мелькнула искорка любопытства.

– Даже Мастер не претендует на то, что знает все, – кроме редких случаев, как, например, с Лаэрном. Так ты примешь Черную Степень? Ты, безусловно, ее заслуживаешь, и, как выразился Тэл, это единственное, чем мы можем почтить тебя.

Моргон покачал головой:

– Я хочу ее принять. Очень хочу. Но Руду она нужнее, чем мне. Он лучше ее использует, и мне бы гораздо больше хотелось, чтобы именно он ее получил. Мне жаль, что мы здесь поссорились – не знаю уж, как это вышло.

– Я поговорю с ним, – пообещал Тэл. – Он вел себя неблагоразумно и неоправданно резко.

– Как и его отец, он обладает даром предвидения, – заметил Ом.

Моргон быстро взглянул на Мастера:

– Вы считаете – он был прав?

– В основном. Да и ты тоже, хотя и избрал для себя бездействие, и это, согласно твоим не вполне оформившимся понятиям, твое право. Но я подозреваю, что странствие к Высшему не окажется столь бесполезным, как ты думаешь.

– Да, Мастер, но я хочу жениться. И с какой стати я должен беспокоиться о своем назначении, каково бы оно ни было, по мнению Руда, пока оно само не заявит о себе? Не собираюсь я тратить время на поиски своего предназначения, точно оно

отбившаяся от стада корова.

Уголок тонких губ Мастера Ома чуть дрогнул.

– Кем был Айлон из Ирье?

Моргон тихонько вздохнул:

– Айлон был арфистом при дворе Хара Остерландского. Он так ужасно оскорбил Хара песней, что сбежал от него, страшаясь за свою жизнь. Скрываясь от преследования, он отправился один в горы, не взяв с собой ничего, кроме арфы, и вел там тихую жизнь вдали от людей, обрабатывая землю и играя на своей арфе. Игра его вскоре достигла такого совершенства, что арфа стала в буквальном смысле его голосом. Она разговаривала так, как не мог и сам Айлон, – даже животные, жившие поблизости, понимали ее голос. Слух о чудесной арфе пошел от одного живого существа к другому, пока однажды не достиг ушей короля-волка из Остерланда, Хара, когда он в облике свирепого животного рыскал по своим землям. Любопытство привело его к далеким окраинам своей страны, и там он обнаружил Айлона, который играл, сидя перед своей хижиной. Волк устроился рядом и стал слушать. И Айлон, закончив песню и подняв глаза, обнаружил, что тот ужас, от которого он бежал когда-то, теперь сидит у его порога.

– А толкование этой истории?

– Человек, убегающий от смерти, должен сначала бежать от себя самого. Но я не вижу, какое отношение имеет ко мне эта история. Я ведь не убегаю – я просто не интересуюсь.

Едва заметная улыбка Мастера стала шире.

– Тогда я желаю тебе покоя в твоей незаинтересованности, Моргон с Хеда, – произнес он мягко.

Моргон больше не встретился с Рудом, хотя полдня искал его повсюду. Он поужинал с Мастерами, а после, когда бродил в начинающихся сумерках по возвышающейся над морем скале, увидел арфиста Высшего, идущего по дороге ему навстречу.

Подойдя к Моргону, Дет сказал:

– Ты выглядишь встревоженным.

– Я не могу найти Руда. Он, должно быть, спустился в Кэйтнард.

Моргон озабоченно провел рукой по волосам. Три звезды блеснули на лбу под волосами.

– Мы поссорились. Я теперь даже не понимаю, что ему от меня было нужно. Я хотел, чтобы он поехал с нами в Ануйн, но становится уже слишком поздно, боюсь, я уже не успею его найти.

– Нам пора на борт.

– Знаю. Если мы опоздаем, они отплывут без нас, чтобы не пропустить отлив. Может, он напился в каком-нибудь кабаке, пропил все, кроме своих сапог. Может, ему скорее хотелось бы, чтобы я отправился в долгое путешествие к Высшему, чем женился на Рэдерле. Возможно, он и прав. Она чужая Хеда, и это его угнетает. Может быть, стоит найти его и напиться с ним вместе, а потом вернуться домой. Не знаю!

Он поймал терпеливый взгляд арфиста и вздохнул:

– Пойду возьму свой узел.

– Я должен немного побеседовать с Мастером Омом, прежде чем мы отправимся в путь. В одном ты прав: из всех людей только Руд способен был сказать тебе правду о том, как он воспринимает твою предполагаемую женитьбу на его сестре.

– Пожалуй, – задумчиво согласился Моргон. – Но я не понимаю, к чему было ему приставать ко мне с загадкой трех звезд именно сегодня.

Он разыскал свой узел в хаосе комнаты Руда и попрощался с Мастерами. Пока они с арфистом шли по длинной дороге в город, небо медленно темнело. На скалистых рогах залива зажглись маяки, крохотные огни окон домов и таверн образовали беспорядочные созвездия в колодце темноты. Волны отлива с грохотом бились о скалы, вечерний ветер крепчал, неся с собой запахи соли и ночи.

Торговый корабль, покачивающийся на глубокой еще воде, был готов к отплытию, когда Моргон и Дет взошли на его борт.

Стоя на носу, Моргон наблюдал, как огни гавани играют на ряби волн, появляясь и снова исчезая, проглатываемые тьмой.

– Мы придем в Ануйн после полудня, ветер попутный, – сказал ему приветливый рыжебородый купец со шрамом, пересекавшим все его лицо сверху донизу. – Можешь спать

наверху или внизу, как понравится. Мы возьмем лошадей, так что, наверное, тебе будет удобнее здесь, на воздухе. Тут у нас масса шкур твоих же собственных овец, так что не замерзнешь.

– Спасибо, – поблагодарил купца Моргон.

Он сел на большой моток каната, вцепился руками в поручни и следил, как вспенивается за кормой при поворотах руля белый хвост волны. Мысли его вновь обратились к Руду; он вспоминал всю их ссору с самого начала, недоумевал, не мог найти истинную ее причину, вновь прослеживал от начала до конца – и вновь безрезультатно.

Ветер доносил до него голоса матросов, споро управляющихся с кораблем, обрывки разговоров о грузах, которые вели купцы. Мачты стонали от ветра, тяжело нагруженный корабль шел уверенно, слегка кренясь от кормы к носу и обратно. Под порывами холодного восточного ветра щеки Моргона окоченели, скрип и покачивание судна убаюкали его; он положил голову на руки и закрыл глаза.

Он уже крепко спал, когда вдруг корабль дико закачался с борта на борт, словно все двенадцать ветров ударили в него с разных сторон, вцепились, раздирая судно на части. Моргон вздрогнул во сне и проснулся от громкого и беспорядочного стука румпеля.

Он вскочил, крик замер в его горле: оглянувшись, он увидел, что палуба за его спиной пуста. Паруса раздувались бешеным ветром, корабль резко накренился, и Моргона отбро-

сило к поручням. Штурманская рубка, где раньше при свете фонаря сидели торговцы, погруженные в свои бумаги, теперь была темна.

Моргона швыряло по палубе из стороны в сторону, то и дело перед его глазами возникали гигантские черные волны с рваными шапками белой пены. С трудом ему удалось ухватиться, наконец, за поручень и, кое-как сохраняя равновесие, еще раз оглядеться.

Ведущая в трюм крышка люка, вопреки сопротивлению ветра, открылась, и в лунном свете Моргон увидел знакомые волосы цвета паутины. Из люка показалась голова Дета.

С трудом преодолевая бешеную качку и все усиливающиеся порывы ветра, Моргон с невероятным трудом подобрался поближе к люку.

– Что, они там, внизу?! – крикнул он Дету.

– В трюме никого нет, – крикнул в ответ арфист.

– Как?!

Дет положил ладонь на руку Моргона. При этом прикосновении и быстром взгляде на палубу Моргон почувствовал, как у него перехватило горло.

– Дет...

– Да.

Арфист слегка повернул арфу, которую вытащил с собой из люка, и покрепче прижал ее к себе. Брови его были нахмурены.

– Дет, где же все? Купцы, моряки... Не могли же они...

Не могли просто исчезнуть, словно хлопья пены. Они... Где они?! За бортом? Как такое возможно?

– Если так, они подняли достаточно парусов, чтобы отправить нас туда же.

– Мы можем их опустить...

– Думаю, – сказал Дет, – не успеем.

Пока Дет произносил последнюю фразу, корабль неожиданно, вопреки всем законам физики, швырнуло назад. Закричали животные, объятые ужасом; Моргон почувствовал, что палуба словно бы напряглась под ними, вот-вот готовая треснуть пополам. Все деревянные части стонали и скрипели, над головой Моргона просвистела лопнувшая снасть.

– Мы не двигаемся! – в ужасе закричал Моргон. – Мы в открытом море и не двигаемся!

Из люка раздался рев ворвавшейся в трюм воды; корабль стал крениться набок. Дет подхватил Моргона в тот момент, когда огромный черный язык перевалившей через борт волны уже готов был слизнуть его и унести в морскую бездну. Теперь они оба летели в неизвестность, увлекаемые откатавающейся волной. Моргон вцепился одной рукой в пояс Дета, другой ему удалось обхватить мачту, но было поздно – ноги заскользили по настилу палубы, и пальцы Моргона, которыми он цеплялся за одежду Дета, ощутили пустоту.

– Что это? – успел крикнуть Моргон, но Дет, даже если и слышал его, не успел ответить ему. Силуэт арфиста растворился в черной волне. Мачта, за которую из последних сил

держался Моргон, со страшным треском сломалась и обрушилась на него с резким дребезжащим звуком. Полосатый парус накрыл его и вместе с такелажем отправил в бушующее море...

3

Моргон очнулся среди массы сухих водорослей, он лежал, уткнувшись лицом в песок. Он с трудом поднял голову, отплеываясь и чувствуя себя совершенно разбитым. Тело почти не слушалось его, было ватным и как будто чужим.

Белый, слово кость, берег, заваленный водорослями и выброшенными морем обломками досок, предстал перед глазами Моргона, но весьма неотчетливо. Он попытался сфокусировать зрение и понял, что второй его глаз не видит. Моргон крепко зажмурился, надеясь, что зрение вернется к нему полностью, но тут кто-то дотронулся до него со стороны ослепшего глаза.

Чьи-то руки потянули его, перевернули на спину. Моргон уперся взглядом в льдисто-голубые глаза, напоминавшие глаза дикой кошки. Лицо – или морда, – наклонившееся над ним, тоже имело странные, мало напоминающие человеческие, черты. Дополняли невероятную картину сплюснутые, прижатые к черепу уши.

– Ксел! – услышал Моргон чей-то предостерегающий голос.

Моргон попытался заговорить, но изо рта его вырвался только странный хриплый звук, больше похожий на воронье карканье.

– Кто ты? Что с тобой произошло? – спросил его тот же

голос.

Моргон попытался ответить. Однако голос по-прежнему не повиновался ему. В конце концов, он осознал, что вовсе не может говорить.

– Кто ты?

Моргон закрыл глаза. Безмолвие вихрем кружилось у него в голове, и он все глубже и глубже погружался во тьму.

Очнулся он оттого, что кто-то поил его холодной водой. Слепую он схватил чашу, пытаясь не пролить драгоценную влагу, и пил до тех пор, пока не перестал ощущать во рту горечь морской соли. Он снова лег, пустая посуда выпала из ослабевших рук. Лишь минуту спустя он открыл здоровый глаз.

Юноша с жидкими светлыми волосами и бесцветными ввалившимися глазами склонился перед ним, встав на колени на грязном полу маленькой комнатки. Нити на его пышном, прежде богатом одеянии истрепались и вытерлись. Лицо же хозяина комнатки, с правильными чертами, гордое и упрямое, было очень худым, почти костлявым.

– Кто ты? – снова спросил незнакомец. – Ты можешь говорить?

Моргон раскрыл рот, но не смог произнести ни слова. Мысль о чем-то очень важном ускользала от него, он никак не мог ее сформулировать. Но это, ускользающее, было чрезвычайно важным. Пытаясь сосредоточиться, он прижал ладони к глазам.

– Осторожнее. – Незнакомец отвел руки Моргона от его лица. – Похоже, что ты стукнулся обо что-то головой, и очень крепко. Да еще повредил себе глаз.

Моргон чувствовал, как незнакомец мягкими движениями промывает ему глаза.

– Значит, ты не можешь припомнить, как тебя зовут. Ты что, упал с корабля во время шторма прошлой ночью? Ты из Имриса? Или из Ануйна? Или из Исига? Ты купец? Может быть, ты с Хеда? Или из Лунголда?

Моргон молчал. Незнакомец покачал головой.

– Ты нем и необъясним, – продолжил он, – как и те полые золотые шары, которые я выкапываю на Равнине Ветров. Теперь ты можешь видеть?

Моргон кивнул, и незнакомец сел на корточки, хмуро глядя сверху вниз на лицо Моргона, как будто где-то на нем мог прочитать его имя. И тут у него словно перехватило дыхание.

– Три звезды!

Моргон поднял руку, чтобы потрогать то место, на которое смотрел его спаситель. Незнакомец продолжил тихо и недоверчиво:

– Ты даже этого не помнишь. Ты вышел из моря с тремя звездами на лице, без всякого имени и голоса, точно какое-то предзнаменование из прошлого.

Он умолк на полуслове, когда Моргон обхватил его запястье и попытался что-то спросить.

– О, я Астрин из Имриса, – продолжил незнакомец. По-

том добавил небрежно, с ноткой горечи в голосе: – Я брат и наследник Хьюриу, короля Имриса. – Юноша подsunул руку под плечи Моргона. – Если ты сядешь, я дам тебе сухую одежду.

Он снял с Моргона изорванную рубаху, смыл с его тела подсыхающий песок и помог натянуть длинное черное одеяние с капюшоном из дорогой материи. Принес дров, помещал угли под котелком с супом. К тому времени, когда суп согрелся, Моргон уже уснул.

Проснулся он, когда наступили сумерки, и сел на постели, озираясь по сторонам. Крошечный домик был пуст. Комната не отличалась богатством мебели: Моргон увидел скамью, большой стол, загроможденный какими-то непонятными предметами, высокий табурет и соломенный тюфяк, на котором он и проспал последние несколько часов. Около двери стояли прислоненные к стене грязные инструменты: кирка, молоток, стамеска, кисть.

Моргон поднялся и пошел к открытой двери. За порогом, насколько он мог видеть, простиралась к западу продуваемая всеми ветрами равнина. Недалеко от домика поднималась бесформенная в гаснущем свете дня каменная кладка, к югу лежала, точно пограничная черта, широкая линия леса.

Ветер, прилетавший с моря, разговаривал сам с собой на языке, известном ему одному. Прислушавшись к его шуму, Моргон почувствовал, как в его голове завертелось неясное, но очень важное воспоминание: вода, холод, неистовый ве-

тер и он цепляется за мачту, чтобы удержаться и не упасть. Но возникшие было образы быстро рассеялись, и смысл их так и остался неясен для Моргона.

Он повернулся и снова заглянул в комнату. Странные предметы, лежащие на столе, заинтересовали его, и он, подойдя поближе, дотронулся до них. Тут были обломки искусно окрашенного толстого стекла, золота, черепки тонко расписанной керамики, несколько звеньев тяжелой медной цепи, сломанная флейта, изготовленная из дерева и золота. Глаза его привлек странный блеск. Присмотревшись, Моргон понял, что это блестит ограненный камень-самоцвет величиной с его ладонь. Когда Моргон взял его в руку и осторожно повернул, камень засиял всеми красками моря.

Раздавшиеся на пороге шаги заставили его положить камень на место и обернуться.

В комнату вошли Астрин и Ксел. Юноша уронил возле очага тяжелый грязный мешок, шагнул к огню и поворошил тлеющие угли.

– Красивый, правда? – спросил Астрин Моргона, указывая на камень. – Я нашел его у подножия Башни Ветров. Ни один торговец, которому я показывал его, не мог назвать мне имя этого камня. Тогда я понес его в Исиг, самому Данану Исигскому. Он сказал, что никогда не видел в горах такого самоцвета и не знает никого, кроме себя самого и своего сына, кто бы мог так безупречно обработать этот загадочный камень. Он дал мне Ксел по дружбе. У меня не было ничего,

чтобы отдарить его, но он сказал, что я подарил ему такую тайну, которая может оказаться ценнее множества драгоценностей.

Астрин подвесил над огнем котелок, потом потянулся к мешку и к ножу, висящему над очагом.

– Ксел поймала двух зайцев – я приготовлю их на ужин.

Моргон дотронулся до его руки, и Астрин взглянул ему в лицо. Моргон посмотрел на нож.

– Ты можешь их освежевать? – спросил Астрин, позволяя Моргону взять у него из рук нож. Моргон кивнул.

– Ты ведь знаешь, что умеешь это делать, – продолжил Астрин. – Так неужто ты не в состоянии припомнить хоть что-то о себе самом?.. Подумай. Попытайся.

Лицо Моргона выразило такую беспомощность, что Астрин осекся и дружелюбно похлопал своего нежданного гостя по плечу:

– Ладно, не важно. Память к тебе вернется.

Они ужинали при свете очага, за стенами домика бушевал внезапно налетевший ливень, и дверь на улицу была плотно закрыта. Астрин ел быстро, белая охотница Ксел свернулась у его ног. Он снова погрузился в привычное молчание, думая о чем-то своем, пока не закончил еду. Потом встал, на секунду распахнул навстречу дождю входную дверь и тут же снова закрыл.

Движения Астрина сделались тревожными. Он провел рукой по корешкам книг, но не открыл ни одной из них, при-

нялся подбирать по форме и складывать черепки, пытаюсь воссоздать некогда разбитый сосуд, но у него ничего не вышло. Тогда Астрин снова разворошил их по столу, храня на лице такое выражение, словно к чему-то прислушивался.

Моргон сидел возле огня, голова его болела, особенно давал себя знать поврежденный глаз. Однако любопытство заставляло его внимательно наблюдать за хозяином дома.

Астрин беспокойно брался то за одно, то за другое, бродил по комнате с кажущейся бесцельностью, пока не оказался перед Моргоном и не уставился на него своими бесцветными, скрывающими какую-то тайну глазами. Моргон отвернулся.

Астрин вздохнул и сел рядом с гостем.

– Ты такой же таинственный, как Башня Ветров, – сказал он. – Я пробыл здесь уже пять лет – в ссылке из Кэруэддина. Я разговариваю с Ксел, со стариком из Лура, у которого покупаю рыбу, со случайными торговцами, с Рорком, Высоким Владетелем Умбера, который навещает меня раз в несколько месяцев. Днем я хожу на раскопки, которые сам же и затеял просто от нечего делать, в большой разрушенный город Властелинов Земли на Равнине Ветров. Ночью же я произвожу иные раскопки, либо в книгах по колдовству, которые я научился открывать, либо вон там, во тьме над Луром, у моря. Я беру с собой Ксел, и мы под покровом темноты наблюдаем за чем-то непонятным на берегах Имриса – там происходит иногда что-то такое, чему нет названия. Но сегодня я туда не пойду – при этом ветре слишком сильный прилив, а Ксел

терпеть не может дождя. – На миг он замолчал, но тут же снова продолжил свою речь: – Твои глаза смотрят на меня так, будто ты понимаешь все, о чем я говорю. Хотел бы я знать твое имя. Очень бы хотел...

Голос его затих, глаза снова внимательно смотрели на Моргона.

Астрин поднялся так же неожиданно, как прежде сел, снял с полки тяжелый том, на обложке которого было золотом вытиснено слово «Алойл». Книга запиралась на две гладкие железные застёжки. Астрин положил на них ладонь, пробормотал какое-то слово, застёжки под его пальцами открылись.

– Знаешь, кем был Алойл?

Моргон покачал головой. Тут же глаза его расширились, словно он что-то вспомнил, но Астрин, как бы не замечая этого, продолжал:

– Почти все люди его забыли. Он был чародеем на службе у королей Имриса в течение девяти столетий, до того как уехал в Лунголд, а затем исчез вместе с целой школой волшебников. Было это семьсот лет тому назад. Я купил эту книгу у одного торговца – целых два года потратил я на то, чтобы узнать слово, которое ее открывает. Часть стихов, которые написал Алойл, были обращены к Нун, бывшей в услужении на Хеле. Я пытался открыть книгу при помощи ее имени, но из этого ничего не вышло. Тогда я вспомнил имя ее любимого бора – одного из многих в стадах Хела. Это был

говорящий боров, Полуденный Хегдис, – и это имя открыло книгу. – Он раскрыл толстый том, перевернул несколько страниц. – Где-то здесь есть заклинание, при помощи которого Алойл заставил говорить камень на Равнине Королевских Уст. Знаешь эту историю? Алойл разгневался на Галила Имрисского, потому что король отказался поступить по совету Алойла во время осады Кэруэддина, и в результате башня Алойла была сожжена. И Алойл заставил камень в долине выше Кэруэддина заговорить – восемь дней и ночей он вещал столь громким голосом, что люди слышали его даже в Умбере и Меремонте. Камень рассказывал о секрете Галила: о том, что он тайно ото всех сочиняет весьма дурные стихи. Отсюда равнина и получила свое название.

Астрин поднял голову и увидел, что Моргон улыбается.

– Так много я не говорил уже целые месяцы, – сказал Астрин. – Ксел не умеет смеяться. Ты заставил меня вспомнить, что я человек. Иной раз я об этом забываю. Ну, разумеется, кроме тех дней, когда сюда является Рорк Умберский, – только тогда я вспоминаю, кто я такой на самом деле. – Астрин опустил глаза, вглядываясь в книгу, перевернул страницу и продолжил: – Вот оно. Теперь, если я смогу разобрать его почерк...

Несколько мгновений он молчал. Моргон через его плечо пытался прочитать, что же написано в таинственной книге. Свет свечи Астрина плясал на пожелтевших страницах. Наконец Астрин повернулся к Моргону, мягко взял его за руку

и произнес:

– Если уж это заклинание заставляет заговорить камень, наверняка оно сможет и тебе вернуть речь. Но должен тебя предупредить, у меня и опыта почти никакого нет: я проник в сознание Ксел и однажды – Рорка, разумеется, с его разрешения. Если ты боишься, я не стану этого делать. Но, возможно, если я проникну достаточно глубоко, я смогу обнаружить твоё имя. Хочешь, чтобы я попробовал?

Моргон кивнул, не спуская глаз с Астрина, который глубоко вздохнул.

– Хорошо. Садись. Сиди спокойно. Первый шаг – уподобиться камню...

Моргон сел на табурет. Астрин, стоя напротив него, притих и словно бы превратился в черную тень на фоне колеблющегося пламени свечи.

Взгляд Моргона застыл, в глазах двоилось, предметы потеряли привычные очертания. Обрывочные образы витали в его сознании: долина, на которую он смотрел, Ксел, шкуры, которые он повесил сушиться. Потом все исчезло, осталась только глубокая тьма. И пустота.

Астрин зашевелился, огонь причудливо отражался в его зрачках. Он прошептал:

– Не было там ничего. Как будто бы у тебя никогда не было никакого имени. Я не могу добраться до того места, где хранится твоё настоящее имя и где твоё прошлое спряталось от тебя самого. Оно глубоко-глубоко...

Астрин оборвал себя на полуслове, потому что Моргон схватил его за плечо и настойчиво потряс.

– Хорошо-хорошо, я попытаюсь, – сказал Астрин. – Я попытаюсь еще раз. Но я никогда не встречал человека, который был бы так скрыт от себя самого, как ты. Должны быть и другие чары, я поищу их. Но я не понимаю, почему тебя это так волнует. Ведь, должно быть, вершина покоя в том, чтобы не иметь никакого имени, никакой памяти... Хорошо. Я поищу еще. Потерпи.

Моргон слышал, как на следующее утро Астрин встал на восходе солнца. Дождь уже прошел, но над Равниной Ветров висели обрывки туч. Они позавтракали холодной зайчиной, вином и хлебом, затем взяли инструменты Астрина и пошли к старинному разрушенному городу. Ксел следовала за ними.

Город представлял лабиринт полуобвалившихся колонн, рухнувших стен домов, оголивших части комнат, никуда не ведущих ступеней, сметенных невиданной силой, прежде массивных и высоких арок. Основным строительным материалом здесь являлись гладкие блоки блестящего камня, которые отливали красным, зеленым, золотым, синим, серым, черным – всеми мыслимыми красками. На восточной окраине города начиналась широкая улица из белого с золотым камня, в щели между камнями проросла трава. Улица делила город надвое и заканчивалась у подножия единственной оставшейся в городе целой башни, этажи которой спиралью

уходили вверх от развалившегося черного основания к маленькой ярко-синей комнатке высоко на вершине. Моргон, шагавший по центральной улице рядом с Астрином, остановился, чтобы повнимательней разглядеть башню.

– Это Башня Ветров, – пояснил Астрин. – Ни один человек ни разу не побывал наверху – и ни один из волшебников тоже. Алойл пытался: он поднимался по этим ступеням семь дней и семь ночей – и не дошел до конца. Я тоже пытался – много раз. Мне кажется, на последнем этаже этой башни должны находиться ответы на вопросы столь древние, что мы даже забыли, как их задавать. Кем были на самом деле Властелины Земли? Что произошло с ними? Что уничтожило их и их города? Я играю, как ребенок, среди останков этой загадки, находя то красивый камешек, то разбитое блюдо, надеясь когда-нибудь отыскать ключ к этой тайне, хотя бы начало, первые фразы ответа... Я относил осколки этих плит мостовой Данану Исигскому, он сказал мне, что не знает ни одного места во вселенной Высшего, где бы добывали такие камни. – Он слегка коснулся плеча Моргона и заглянул ему в глаза: – Я буду там, вон в том доме без крыши. Придешь ко мне, если захочешь.

Предоставленный самому себе в пустом поющем от ветра городе, Моргон бродил по лишенным потолков залам, комнатам без стен, между грудями разбитых камней, глубоко ушедших в землю и оплетенных корнями диких трав. Ветер проносился сквозь развалины, точно дикий конь, обруши-

вался на улицу и летел в сторону спиральной башни, обвинял ее кругом и стонал в потайной комнате. Повинуясь ветру, Моргон дошел до великолепного, уходящего ввысь сооружения, дотронулся ладонью до черно-синей стены за фут от первой ступеньки. Ветер подталкивал его в спину, словно заставляя шагнуть на уходящую вверх золотую лестницу.

Моргон постоял некоторое время, разглядывая ступени, затем повернулся и отправился искать Астрина.

Весь день они молча работали бок о бок, разбирая наполовину провалившийся пол в маленькой комнатке, крошили руками землю, разыскивали в ней куски металла, стекла, керамики. Когда руки Моргона погружались в черную, влажную землю, он чувствовал ее запах – сильный и здоровый, что-то смутно напоминающий. Снова возникали в его голове обрывки важных мыслей, и снова они не складывались в единую ясную картину, а, напротив, погружали Моргона в еще большую тоску. В один из таких моментов Моргон застонал.

– Что случилось? Ты что-то нашел?

Моргон бросил горсть земли в сторону и покачал головой, чувствуя, что его начинают душить беспричинные слезы.

Вечером они бережно завернули свои находки в обрывки тканей и отправились домой. По дороге Астрин заметил:

– Ты очень терпелив. Может быть, тебе стоит остаться здесь насовсем, работать со мной среди этих забытых развалин. Тем более что ты принимаешь мой несколько странный

образ жизни так безоговорочно, словно не можешь припомнить, как живут люди рядом друг с другом. – Он сделал короткую паузу, затем неспешно, словно что-то припоминая, продолжил: – Я всегда был один. Я вырос в Кэруэддине, с Хьюриу и с сыновьями Высоких Владетелей нашего отца, в красивом каменном доме, выстроенном Галилом Имрисским. Мы с Хьюриу тогда были близкими друзьями, точно тени один другому. Это было, разумеется, до того, как мы поссорились.

Астрин говорил, а Моргон не спускал с него глаз.

– Здесь-то все это не важно. Я никогда не вернусь в Кэруэддин, а Хьюриу никогда не придет сюда. Я просто забыл, что когда-то не был одинок. Забываешь легко...

В этот вечер после ужина Астрин ушел, оставив Моргона наедине с собой. Моргон, счищая грязь с куска керамики, найденного сегодня, терпеливо дожидался его.

Через два-три часа после захода солнца поднялся ветер. Моргон начал беспокоиться, он чувствовал, как ветер раскачивает стены хлипкого домика, как давит на него страшной тяжестью, словно желая вырвать его из земли и унести в черноту ночи. Один раз Моргон открыл дверь в надежде увидеть Астрина, но ветер вырвал дверь из его рук, распахнул, с грохотом швырнул ее обратно, снова попытался распахнуть, и Моргону пришлось довольно долго сражаться с ней, чтобы снова затворить.

Когда буря наконец затихла, на Равнину Ветров опусти-

лась тишина. Тучи расступились, и равнина была теперь залита холодным лунным светом, в котором одинокая башня, поднимающаяся из каменных развалин, казалась еще более таинственной, чем днем.

Моргон подбросил дров в очаг, сделал из дубовой ветки факел и вышел из дома. Внезапно он услышал глухое дыхание, странные звуки, словно кто-то, тяжело волоча ноги по земле, приближался к дому. Он посмотрел в сторону, откуда раздавались звуки, и увидел Астрина, привалившегося к стене.

Моргон бросил факел на землю и подбежал к Астрину, но тот поспешил заверить его:

– Живой я, не беспокойся.

Лицо его при свете, падающем из окна, было цвета тумана. Он обхватил плечи Моргона рукой, тяжело оперся на него, и они вдвоем перевалили через порог. Астрин тяжело опустился на тюфяк. Руки его были покрыты глубокими свежими царапинами, волосы спутаны и мокры. Правую руку он прижал к боку и не отводил ее, пока Моргон, заметив темное пятно, проступавшее между его пальцами, не издал громкого протестующего возгласа. Голова Астрина упала на тюфяк, рука соскользнула. Когда Моргон начал распаривать шов его рубашки, Астрин прошептал:

– Не надо. Одежды у меня мало. Он первый меня увидел, но я его убил. Он упал в море, и мне пришлось нырять за ним среди скал в волнах прилива, не то его бы нашли... Я

зарыл его в песок. Там его не найдут. Он был из... Он был из водорослей, пены и жемчуга. Меч – из темноты и серебряной воды. Он ранил меня – и улетел, как птица. Если бы Ксел меня не предупредила, я был бы мертв. Если бы я не обернулся...

Астрин вздрогнул от боли, когда Моргон коснулся его кровоточащего бока мокрой тряпкой. Потом сжал зубы, закрыл глаза и молчал все то время, пока Моргон осторожно промывал и перевязывал обрывками своей сухой одежды неглубокую рану. Затем Моргон согрел котелок вина, Астрин выпил, дрожь его унялась. Отстранив от себя пустой котелок, он снова повалился на тюфяк.

– Спасибо тебе, спасибо. Если Ксел вернется,пусти ее.

Выбившийся из сил, он лежал неподвижно и спал, проснувшись один только раз, когда Ксел поскреблась в дверь, и Моргон, бессонно дежуривший у огня всю ночь, встал, чтобы открыть дверь промокшей и перепачканной охотнице.

На следующий день Астрин почти не говорил о ночном происшествии. Двигался он осторожно, иногда кривился от боли, лицо было угрюмым. Смягчалось оно только тогда, когда он встречался глазами с встревоженным взглядом Моргона. Весь день они не выходили из дома, Астрин жадно просматривал колдовские книги, точно приносивающий к следу хищник, а Моргон пытался выстирать и починить его одежду, и вопросы, которые он был не в состоянии задать,

бились в его горле, точно попавшие в силки птицы.

Только на закате дня Астрин отошел от своих мрачных мыслей. Он со вздохом захлопнул книгу, ее железные застежки сами собой заперлись, и произнес, уставившись через полуоткрытую дверь на равнину:

– Надо бы рассказать Хьюриу... – Ладонь его хлопнула по книге и сжалась в кулак. Он прошептал: – Нет. Пусть он убедится собственными глазами. Заботиться о стране – его дело. Пусть он сам и действует, от своего имени. Пять лет назад он изгнал меня из Кэруэддина за то, что я говорил правду. С чего бы это я стал возвращаться?..

Моргон, который сидел у огня и пытался зашить распоротый накануне им самим шов рубашки, посмотрел на Астрина вопросительно. Тот, прижав руку к боку, повернулся, чтобы добавить дров в огонь. Он на миг задержался, чтобы положить руку на плечо Моргона:

– Я рад, что ты оказался здесь вчера ночью. Если я хоть что-нибудь смогу для тебя сделать, я это сделаю.

Некоторое время он по вечерам никуда не уходил. Моргон работал рядом с ним на раскопках в городе; долгими спокойными вечерами он пытался складывать куски керамики или стекла, в то время как Астрин все рылся в книгах. Иногда они охотились вместе с Ксел в дубовом лесу к югу от дома, простирающемся от моря далеко на запад, за пределы Имриса.

Однажды, когда они шли вдоль опушки, Астрин сказал:

– Я бы мог отвезти тебя в Кэйтнард. Это всего день пути – к югу от этих лесов. Возможно, кто-нибудь там тебя бы и узнал.

Но Моргон только поглядел на него пустыми глазами, словно Кэйтнард лежал где-нибудь на дне морском, и Астрин больше об этом не заговаривал.

Через несколько дней Моргон нашел в углу комнаты, где они работали, кучку красных и пурпурных стекляшек. Он принес эти осколки в хижину Астрина, счистил с них грязь и, разложив на столе, задумался, глядя на свою находку.

На другой день шел сильный дождь, и они не пошли на привычную уже для Моргона работу. В домишке пахло сыростью, очаг дымил. Ксел беспокойно слонялась по комнате, то и дело жалобно подвывая, а он сидел, что-то бормоча, над очередной чародейской книгой, которую никак не мог открыть. Моргон, используя нечто вроде клея, который изготовил для него Астрин, пытался соединить, подогнать друг другу гранями осколки пурпурного стекла.

Он поднял голову, когда Астрин с раздражением в голосе сказал:

– Ксел, успокойся и перестань метаться. У меня уже слова иссякли. Ирт был самым могущественным волшебником после Основателя, и он слишком хорошо запирает свои книги.

Моргон открыл рот и произнес невнятный тихий звук с выражением растерянности на лице. Он резко повернулся, отыскал в очаге наполовину сгоревший прутик, вытащил его

и написал на столе: «Тебе нужна арфа».

Астрин, наблюдая за ним, соскочил с табурета и стоял, глядя Моргону через плечо.

– Мне нужна – что? У тебя такой скверный почерк, словно у Алойла. Ах, арфа... – Его рука легла на плечо Моргона. – Да. Вероятно, ты прав. Возможно, он запер книгу звуками своей собственной арфы или звуком самой низкой ее струны, которая, как говорят, могла заставить клинок меча разлететься вдребезги. Но где же мне ее найти? Ты не знаешь, случайно?

Моргон покачал головой. Потом уронил прутик, наклонил голову и уставился на него, как если бы этот прутик писал по своей собственной воле. Через минуту он повернул голову, и встретился глазами с Астрином. Тот резким движением открыл одну из колдовских книг Алойла и сунул в руку Моргона перо:

– Кто заплатил за свой облик шрамами на руках и кому?

Моргон медленно начал писать на полях одно из заклинаний Алойла. Когда он закончил ответ к древней загадке Остерланда и начал толкование, раздался прерывающийся от волнения голос Астрина:

– Ты учился в Кэйтнарде. Ни один немой не учился в этом училище – я знаю, я сам провел там целый год. Ты можешь это припомнить? Можешь припомнить хоть что-то об училище?

Моргон сверкнул глазами. Он вскочил так поспешно, что

скамья позади него перевернулась. Астрин догнал его, когда Моргон был уже у двери.

– Подожди. Уже почти стемнело. Я поеду с тобой в Кэйтнард завтра, если ты подождешь. У меня тоже есть несколько вопросов к Мастерам.

На следующее утро они поднялись еще до рассвета, под тихий шум морозящего за окнами дождя. Перед восходом прояснилось; они оставили Ксел спать у огня и направились к югу по равнине, поросшей густой травой, к границе Имриса. Солнце вставало за дождевыми облаками, плывшими по небу, как корабли по серой глади моря. Деревья дрожали под легким свежим ветром, мокрые, тяжелые последние листья падали под ноги путников, когда те вошли в лес, направляясь к большой Торговой дороге, что проходила вдоль Имриса и дальше, соединяя старинный город Лунголд с Кэйтнардом.

– Мы выйдем на дорогу к полудню, – объявил Астрин.

Края длинного одеяния Моргона вымокли, он разглядывал бесчисленные деревья, словно уже видя за ними неизвестный ему город, и ответил на слова Астрина рассеянным мычанием.

В высоких ветвях мелькали вороны, их резкое карканье раскатывалось по лесу дразнящим эхом. Моргон услышал голоса: два купца на лошадях ехали им навстречу, они задели своей поклажей дерево, на котором сидело множество птиц, и испугнули их. Купцы подъехали вплотную к Астрину и Моргону, один из них остановился, вежливо склонив

голову:

– Господин Астрин! Ты забрался так далеко от дома. – Он повернулся и развязал тесемки своего узла. – У меня послание от Мэтома из Ана к Хьюриу Имрисскому касательно того... мне кажется... того человека, который выиграл корону у Певена. Вообще-то говоря, у меня послание к половине землеуправителей Обитаемого Мира. Я собирался заехать к тебе и попросить тебя передать это послание брату.

Астрин нахмурился.

– Ты же знаешь, что я пять лет не видел Хьюриу, – напомнил он холодно.

Купец, высокий рыжеволосый мужчина со шрамом, пересякавшим его лицо, поднял бровь:

– Ах, так? Видишь ли, трудность в том, что я сажусь на корабль из Меремонта, так что не попаду в Кэруэддин. – Он сунул руку в свой узел. – Я бы попросил тебя передать ему это.

Серебряный клинок стремительно вылетел из узла и начал опускаться на Астрина. Лошадь купца нервно попятилась, и меч просвистел, не задев Астрина, однако распорол широкий рукав Моргона.

Когда прошел первый ошеломляющий момент, в реальность которого трудно было поверить, Моргон прыгнул вперед, поймал запястье купца, прежде чем оно могло снова подняться; но второй купец, оказавшийся позади Моргона, рубанул его в бок.

Клинок запутался в тяжелой одежде, но удар был столь силен, что заставил Моргона на несколько мгновений потерять сознание, но он успел услышать, как вскрикнул Астрин. Все-таки какая-то часть мозга Моргона продолжала бодрствовать, и он, пребывая по ту сторону реальности, ощущал странную тревогу, перед глазами его стоял знакомый зеленый фон, он чувствовал запах мокрой травы. Ощущение испарилось прежде, чем он смог вспомнить название этого смутного видения, но успел понять, что в нем содержалось его собственное имя.

Потом, придя в себя, он обнаружил, что стоит на коленях, покачиваясь, тяжело дыша и почти прокусив собственные губы, а по лицу его стекают капли только что начавшегося дождя.

Лошадь с опустевшим седлом проскакала мимо него галлопом в сторону чащи, а Астрин, держа в руке окровавленный меч, расседлывал другую. Он отбросил седло и за уздечку подвел лошадь к Моргону. Кровь струилась по его лицу; трупы купцов лежали среди поклажи, валявшейся на мокрой траве.

– Ты можешь встать? Куда ты ранен? – Астрин заметил темное пятно, расплывавшееся на боку у Моргана, и присвистнул. – Дай-ка мне посмотреть.

Моргон затряс головой, прижимая руку к раненому боку. Он с трудом поднялся на ноги, мыча и проглатывая звук за звуком. Астрин, чье лицо, лишенное красок, под дождем ка-

залось серым, поддержал Моргана.

– Ты сможешь добраться верхом обратно до дома?

Моргон кивнул и снова погрузился в небытие.

Он очнулся, когда Астрин осторожно снимал его с теплого крупа коня, совсем недавно принадлежавшего таинственному убийце, и, взяв на руки, внес в дом, ударом ноги захлопнув за собой дверь.

Он положил Моргона на тюфяк, Ксел выскочила наружу, видимо желая проверить, нет ли поблизости опасности. Астрин взял нож для свежевания дичи и, несмотря на немые протесты Моргона, разрезал на нем одежду и нашел рану, которая начиналась под мышкой и шла вниз, наискось, обнажая три ребра.

Астрин не успел еще как следует определить опасность раны Моргона, как кто-то постучал в дверь. Схватив меч, лежавший рядом с тюфяком, Астрин вскочил на ноги и распахнул дверь. Кончик окровавленного меча уперся в грудь торговца, который успел произнести только одно слово:

– Господин... – и замолчал, поняв, что шутки с Астрином и особенно с его мечом, только что побывавшим в деле, ни к чему хорошему не приведут.

– Что? – спокойно спросил Астрин.

Торговец, широкоплечий мужчина в развевающемся херунском камзоле, с черной бородой и добрым лицом, отступил на шаг.

– У меня поручение от... – Он снова умолк, потому что

меч, дрогнувший в руке Астрина, поднялся от груди купца к его горлу. Он закончил шепотом: – От Рорка Умберского. Господин, ты меня знаешь...

– Знаю.

Моргон, с усилием приподняв голову, увидел, как лицо Астрина покрыла восковая бледность.

– Вот потому-то, если ты сейчас же повернешься и пойдешь отсюда очень быстро, я, может быть, позволю тебе уйти живым.

– Но, господин... – Непонимающие глаза торговца беспомощно скользнули по лицу Астрина и остановились на Моргоне, и в этот миг Моргон увидел в темных, удивленных глазах купца вспышку собственного имени. Он взволнованно и вопросительно замычал; купец с трудом перевел дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.